

В. В. Чураков

ЧТО ЕСТЬ ИСТИНА

12+

Вячеслав Чураков

Что есть истина

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Чураков В. В.

Что есть истина / В. В. Чураков — «ЛитРес: Самиздат», 2021

От формы развития сознания и мышления зависит восприятие и понимание человеком реальности не только происходящего, но и всей вселенной. Только разумное мышление является источником развития и совершенствования человечества. Имеющиеся “точки зрения” и “мнения” бессмысленны, когда речь идет об истине. Нужно знать и делать то, что должно. Каждый должен в себе самом проделать путь развития до разумности бытия, до понимания всеобщности.

Содержание

Предисловие	6
О противоречии и истинном	13
О	24
Необходимость последовательного развития и существования форм сознания	40
Предварительные замечания	41
Чувственное воспринимающее сознание	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Вячеслав Чураков Что есть истина

Если ты не знаешь природу всеобщего как же ты можешь раскрыть адекватно природу, историю особенного, единичного бытия? Да никак! Ты будешь врать без всякого намерения.

Если нет момента всеобщности в самом предмете, в самом содержании и соотношения этого всеобщего с особенным и единичным, ни о каком понимании предмета не может быть и речи.

Е.С. Линьков

Величайшая проблема, которую предстоит решать человечеству, – осознать, как преобразуется всеобщая необходимость в свободу духа, и что должно для этого делать.

Предисловие

Мы наблюдаем, как человеческая цивилизация в целом и развитие различных политических и общественных формаций топчется на месте или совершает в своем развитии круги, постоянно возвращаясь к духовной дикости, варварству. Разумные коммунистические идеи – равное право всех людей на свободное развитие, труд, образование, здоровье, достойную жизнь, что является *справедливостью общественного бытия человека*, согласно ее истинному значению, – рассматриваются как зараза, которую необходимо уничтожить. Почему технологический прогресс легко уживается с духовной дикостью? Ответ на этот вопрос одновременно и прост и сложен.

Для духовного развития нужна, прежде всего, деятельность мышления и развитие сознания.

Духовное развитие возможно только из всеобщего, как основы, но характеризуется тем, что оно начинает с простых определенностей, и следующие за ними определенности становятся все богаче и конкретнее. Ибо результат содержит в себе свое начало, и дальнейшее движение обогащает его новой определенностью. Всеобщее составляет основу; поэтому движение не должно быть понимаемо за процесс, протекающий от одного к чему-то иному. На каждой ступени дальнейшего определения всеобщее возвышает всю массу своего предыдущего содержания и не только ничего не теряет вследствие своего диалектического движения, не только ничего не оставляет позади себя, но несет с собой все приобретенное и обогащается и сгущается внутри себя. Это расширение всеобщего может рассматриваться как момент содержания, а внутри целого – как первая посылка; всеобщее сообщено богатству содержания, непосредственно сохранено в нем. Но отношение всеобщего и содержания имеет также и вторую, отрицательную или диалектическую сторону. Процесс обогащения всеобщего совершается в соответствии с необходимостью понятия, держится понятия, и каждое определение есть некоторая рефлексия (углубление) в-себя. Каждая новая ступень выхождения вне себя, т. е. дальнейшего определения, есть также и некоторое углубление в себя, и большее расширение есть равным образом большая интенсивность. Самое богатое есть, поэтому, самое конкретное и самое субъективное, и то, что возвращает себя в наиболее простую глубину, есть самое могущественное и самое объемлющее. Высшей, наиболее заостренной вершиной развития человека является чистая личность, которая единственно только через абсолютную диалектику, составляющую ее природу, точно так же всё охватывает и держит внутри себя, потому что она делает себя тем, что всего свободнее, – простотой, которая есть первая непосредственность и всеобщность. Именно таким образом каждый шаг вперед в процессе дальнейшего определения, удаляясь от неопределенного начала, есть возвратное приближение к началу. Стало быть, то, что на первый взгляд может казаться разным, – идущее назад обоснование начала и идущее вперед дальнейшее его определение, – сливается и есть одно и то же. Это движение духовного развития образует, таким образом, некоторый круг. Дух знает начало как нечто несовершенное, потому что оно есть начало, но вместе с тем он знает это несовершенное вообще как нечто необходимое, потому что истина есть не что иное, как приход к самому себе через отрицательность непосредственности. Нетерпеливое желание лишь выйти за пределы определенного (как бы это определенное ни называлось – началом, объектом, конечным, и в какой бы форме оно вообще не принималось) и оказаться непосредственно в абсолютном, не имеет как познание ничего перед собой кроме пустой отрицательности, абстрактной бесконечности. Иначе говоря, такое желание имеет перед собой нечто мнимо абсолютное, мнимое потому, что оно не положено, не постигнуто; постигнуть его можно лишь через опосредствование; всеобщее и непосредственное есть момент этого опосредствования, сама же истина обретается лишь в широко разверну-

том ходе его движения и в конце пути. *Этот путь и предстоит пройти каждому мыслящему человеку.*

Важен не только факт деятельности человека, но, прежде всего, понимание им того, что он должен делать, что бы быть человеком. *Смысл человеческой жизни состоит в снятии и преодолении непосредственности, в осознании и полагании в себе субстанциональной всеобщности в процессе установления отношений к природе, к другому человеку, к человеческому роду, в движении к разумному бытию духа.*

Определенности вещей и мысли есть вообще *всеобщее*, абстрактное, возникающее в результате деятельности мышления. Каждый человек, если он имеет мысли и рассматривает их, найдет в своем сознании характер всеобщности этих мыслей и определений. Для этого необходимо, во всяком случае, иметь развитое внимание и способность к абстракции.

Представления людей о чем бы то ни было, помимо чувственного содержания имеют и мысленное содержание, имеют форму всеобщности. Но содержание представлений индивидуально, как индивидуальные чувства, на которых оно основано, как индивидуальные способности к мышлению. Поэтому представление даже об одной и той же вещи или сущности одного явления у каждого человека различны и являются только *мнениями*. Представления, основанные на единичном восприятии, на чувствах, не отличаются от *рассудочных определений*, не выходящих за пределы противоположных определений мысли.

Посредством языка, как произведения мысли, нельзя выразить ничего такого, что не есть всеобщее. Например, если язык выражает только всеобщее, то я не могу передать словами то, что лично я чувствую, ощущаю, воспринимаю и понимаю. С детства ребенка должны учить приводить особенное в соответствие всеобщему, вникать в содержание и различать особенное от всеобщего. В нашем *особенном* поведении *должно содержаться и распознаваться всеобщее* определение. Всегда *всеобщее содержание* обладает значением сути дела, *существенного, внутреннего и истинного*. Размышление всегда есть определение всеобщего и движение к пониманию истинного.

Многие предметы воспринимаются чувствами, некоторые так называемые знания приобретаются через средства информации без какого-либо размышления и анализа, и на этих основаниях у человека складываются и остаются представления, не соответствующие действительности, тем более что соответствующая информация, а часто и ложь, распространяется властями специально с целью идеологической обработки сознания людей, достижения своих целей.

Еще в Древней Греции были убеждены, что посредством мыслей можно достичь познания истины, а не посредством чувств или случайных представлений и мнений. Но оказалось, что такое мышление расшатало идеологию властей, государственное устройство, религиозные представления. Оказалось, что мышление оказывает огромное влияние на действительность. Это заставило в прошлом и заставляет сейчас любую власть обращать внимание на деятельность мышления человека, на развитие сознания людей, искать способы воздействия на формирование сознания, инструменты для манипулирования сознанием, изобретать средства контроля людей. Именно поэтому потребность людей свободно мыслить, размышлять, развивать сознание жестко пресекается властями и религией через системы воспитания, образования, средства массовой информации. Обработка сознания людей осуществляется с наглостью и напором, вызывающим возмущение. Людей действительно превращают в управляемое стадо, для которого важнейшими жизненными потребностями становятся только потребность жевать, размножаться, посещать “зрелища” и религиозные службы, получать удовольствие от алкоголя, наркотиков и предметов роскоши, жить для себя и одним днем. Хлеба и зрелищ – помните кто и для кого.

Авторы многочисленных исследований человеческой цивилизации приходят к выводу, что в построении такой формации людей, с моралью легко управляемого стада, заинтересо-

ваны алчные и властолюбивые англосаксонские иудеи, банкиры-ростовщики, государственные чиновники, капиталисты, религиозные деятели и др. Все это представители иудейской идеологии. Они считают себя вправе жить, эксплуатируя других людей, и мечтают о том, чтобы это продолжалось вечно. Они боятся идей справедливого устройства общества и утверждают, что нужно рассматривать людей такими, какими их создал бог, что из-за дурной природы людей нельзя осуществить идеал справедливости, и поэтому выставление этого идеала является праздным делом, а его достижение утопией. Но даже Кант, к которому благоволят многие религиозные теоретики, считал идею чем-то необходимым, целью, которую следует ставить себе как прообраз некоего максимума, стремясь как можно больше приблизить к ней состояние действительности. Гегель, более того, говорит, если известный идеал вообще обладает внутренней истиной через посредство понятия, то, именно потому, что он истинен, он не является утопией. Идеал поэтому не есть нечто праздное и бессильное, а, наоборот, действительное, ибо истина не есть химера. Люди не только остаются такими, каковы они есть, а становятся другими, если *делают* что-либо для достижения идеала.

Иудеи “играют” в глобализацию, выступают в роли “мирового правительства”. Они системой преступных, репрессивных и поощрительных мер превращают людей в рабов, “людей второго сорта”, толпу и этим обеспечивают стабильность своего положения. Они загружают сознание людей ложью и выдумками, заменяют знания верой в выдуманный потусторонний мир, проповедуют терпение до мученичества перед насилием, ограничивают способность людей мыслить, возводят удовлетворение животных и ненасытных материальных потребностей, выражающихся в мнимом превосходстве одних над другими людьми, в смысл жизни. Не имея ни моральных, ни экономических ограничений, иудеи финансируют свою преступную, подрывную деятельность по всему миру, просто включая печатный станок; развязывают войны за свое политическое доминирование в мире, за энергетические и природные ресурсы других стран, используя собственную военную мощь или наемников. Важно осознавать, что идеология иудеев не только ограничена рассудком, но и безнравственна – находится на ступени дикости и варварства. Проповедники и сторонники иудейской идеологии – враги рода человеческого.

Лживые и подлые действия властей в нашей стране безответственны и отвратительны. Объявляя убеждения, нравственные привычки, добродетели, ценности и достижения социалистического развития общества, в том числе в экономике, непригодными, они разрушают основы, объединяющие людей до сих пор. Насаждается такое отношение к советскому периоду истории нашего государства, чтобы народ предпочел покой животного состояния, согласился с эксплуатацией людей одних другими и не видел выхода из тупика капиталистических отношений. Власть в нашей стране не собирается отвечать за свои действия перед народом и делает что хочет, принимает законы, обеспечивающие ее привилегированное, паразитическое положение в государстве. Ей не надо ничего создавать и производить. Можно болтать и врать. Она считает, что можно и нужно жить паразитами, владея капиталом в банках. Её отличает невежество и непрофессионализм, непонимание значений и смыслов слов русского языка.

Насилием и обманом иудеи создали такой механизм эксплуатации народов, духовного подчинения, контроля политики стран, экономического и финансового распределения (“правила игры”), которые позволяют им присваивать большую часть денег, продуктов и ресурсов, принадлежащих всему человечеству. Подкуп, ложь, алчность, лицемерие, подлость, бандализм, террор используются ими. Они многого достигли, потому что опираются на такие же пороки, которыми сами обладают в полной мере, и ими руководствуются. Капитал, которым они владеют, вооруженные силы, полиция, наемники, находящиеся у них на содержании, позволяют диктовать свои условия. Многие недовольные этим люди скажут, что они это понимают, и ни чего нельзя изменить. Задайте себе вопрос: вы с ними? Вы поддерживаете их? Вас устраивает уверенность Путина, который является представителем внешнего управления Россией, руководителем российских иудейских олигархов и чиновников, презираемый думаю-

щими людьми в России, – так живет весь мир! – Это они хотят так жить! Эти бестолковые, безответственные чиновники на основании ими же принятых законов создали себе условия для грабежа, угнетения людей и разрушения страны. Неужели люди не понимают, что стали рабами или крепостными. Неужели люди не понимают того, что в том, что у них нет средств существования (натуральной пищи, жилища, одежды), образования, медицины, работы, защиты от внутренних и внешних врагов, справедливой оплаты труда, нет права смены власти, если власть не справляется с делом защиты интересов народа, – виноваты руководители государства, которые не способны создать хоть чего-нибудь дельного и разумного для народа и государства. Безответственность и безнаказанность, самодовольство, глумление над людьми, непонимание того, что сила государства в людях, что уважение не покупается, характерны для нынешней антинародной власти. Результат деятельности Путина – потеря Россией суверенитета в экономике, политике, финансах, образовании, медицине, науке. Мыслящие люди не должны молчать, должны понимать извращенную деятельность этих иудеев, виновных в смерти миллионов людей, должны противостоять им и не уподобиться им.

Мы должны мыслить и развивать свое сознание. Это необходимо и важно потому, что от формы развития сознания и мышления зависит и восприятие, и понимание человеком реальности не только происходящего во всех сферах жизни, но и во всей вселенной. Будущее человечества за разумом! Только разумная деятельность сохранит человечество от самоуничтожения. Только разумное мышление является источником развития и совершенствования человечества.

Лживые и извращенные теории; деятельность, лишенная бытия духа; религиозные учения как законсервированные преходящие моменты исторического развития народов, толкование и интерпретация реальности в личных и групповых интересах – все это возводится властями в ранг высшего достижения человеческой мысли и практики. Все, что направлено на всеобщее благо, объявляется утопией или только частным мнением, замалчивается или искажается. Всеобщая диалектика Гегеля и диалектический метод, являющиеся основой развития и познания, искажены и извращены иудеями, и это сделано ими в собственных целях и интересах.

Жалкое зрелище представляют политические руководители и общественные деятели, “философствующие” в средствах массовой информации. Они выражают свои мнения, не зная истории, не имея понятия о справедливости, нравственности, всеобщем, истине.

Базовая цивилизационная особенность России (в отличие от Востока и Запада) состоит в том, что ее основная форма общности хозяйственных, политических и духовных интересов – территориальная община – держалась тысячи лет и не признавала частную собственность. Социальные отношения людей основывались на социальном равенстве и справедливости. Русская (российская) цивилизация реализовала представления человечества о том, как должно быть устроено общество. На ценностном, ментальном уровне это будет воспроизводиться в России всегда. Введение частной собственности Конституцией РФ направлено против русского народа, на разобщение людей. Частная собственность является основой эксплуатации одних людей другими.

Русским людям и русскому духу близки идеи всеобщего блага и свободы развития человека. Русские люди привыкли действовать в соответствии с общественным интересом. “Всякая деятельность отдельного человека, направленная на улучшение своего существования, сопровождается чувством неправоты, и только, деятельность, в которой личное совершенно сливается с делом для других... представляет высшую ценность”. (О русском менталитете. Пришвин М. М. т.8, М., 1986, с.135-136).

Мышление не есть что-то единичное и не что-то особенное, а целое и притом саморазвивающееся. Разумное мышление есть высшая форма и высшая степень развития человека. К разумному мышлению нужно стремиться каждому человеку. На различных ступенях раз-

вития сознания от чувственного восприятия и представления до разума имеет место разная форма определенности, и в связи с этими различными формами отношения бытия и мышления выступают совершенно разные реальности. Достигнув ступени разума, мы впервые достигаем развитого в себе самом единства формы и содержания, потому что всякая иная определенность снята в простоту и непосредственность формы разумного мышления. Разум способен познавать не только иное вне себя, но и отношения иного к себе самому и себя самого. Потому, что *разум есть та ступень, та сфера всеобщего содержания, всеобщего единства бытия и мышления – истины, где всеобщее есть для себя самого*. Отдельный человек и общественная формация, в конечном счете, являются результатом самоопределения всеобщего единства бытия и мышления.

Нынешняя государственная власть и церковь в России эксплуатируют людей в погоне за прибылями, распродают богатства страны, намеренно лгут, переписывая историю нашего государства. При этом они опираются на индивидуализм и эгоизм – основные людские пороки, которые порождает капитализм и частная собственность, скрывающие за собой алчность, жадность, ненасытность, презрение к другим людям. Индивидуализм и эгоизм – источники зла. Индивидуализм является основой противоречий между людьми в любой деятельности. В отношениях между людьми он выражается в субъективном понимании и представлении о действительности и не задумывается о том, что понятие о необходимости чего-либо имеет конкретное и разумное содержание, не зависящее от личных амбиций.

Законы власти в так называемых демократических государствах просты. Эта власть зиждется на амбициях, на лжи подлости и наглости. К такому выводу легко прийти, достаточно взглянуть без пристрастия на современных лидеров, представителей государственных “элит”, окруживших себя такими же чиновниками, лишенными разума, беспринципными и хитрыми, действующими только в своих интересах.

Для сознания любого животного всегда существует только единичное, и оно только и занято обобщениями эмпирически-единичного существования в среде обитания. Наше человеческое бытие благодаря стараниям властей, нашей собственной лени, бездеятельности, эгоизму и алчности мало отличается от бытия животного. Временное, преходящее, конечное может надеть человеку много зла, но оно также мало представляет собой истинную действительность, как и частные особенности отдельного лица, его желания и склонности. Частное животное бытие никогда не станет всеобщим.

Мышление – функция человеческого мозга. Но не каждый человек способен мыслить, в том числе мыслить разумно, то есть обладать интеллектом. Власть собирается заменить человеческое мышление во всех сферах человеческой деятельности на “искусственное”, точнее машинное, запрограммированное с целью управления жизнью людей. Но это будут уже не люди, а расходный материал, товар, ресурс. Люди потеряют все, что отличает человека от животного и от робота, в том числе и свободу, и подпадут под действительную власть “нелюдей”, преступников и негодяев, которыми, строго говоря, являются те, кто предлагает и разрабатывает программы замены человеческого мышления на так называемый “искусственный интеллект”.

У каждого народа есть определенный способ единства, особенности бытия и особенности духа. Поэтому каждый народ необходимо должен в себе самом проделать путь развития до разумности бытия, до понимания всеобщности. Никто извне ничего не получит! – и народам России надо рассчитывать главным образом на себя. Только в человеческом духе, в сознании может выступить развитая свобода и всеобщая реальность и стать определяющим моментом развития общества. Только в сфере человеческого разумного познания с необходимостью выступает высшая, всеобщая форма свободы и отдельного человека и общества. Чтобы человек начинался как человек, и общество начиналось как общество, им нужно духовное само-

определение на основе разума – всеобщее самосознание, т. е. духовное определение истинного всеобщего единства.

Необходимой предпосылкой движения к разумному бытию духа отдельного человека и общества является воспитание и образование. Суть образования – в его разумной логике мысли. Образование должно быть приобретено свободной мыслью, должно проистекать из нее самой и быть собственным убеждением. Образование и воспитание должно помогать отдельному человеку внутри себя двигаться к ступени разума своего духа. Движение духовной жизни от простейшего ощущения должно быть направлено к разуму, к высшей ступени духа: к разумному миру ощущений, желаний, интересов. Оно должно помочь избавиться от субъективных представлений и уверений, стать основанием для осознания, рассмотрения и оценки любой формы деятельности. Ведь прошел же человек за миллионы лет движения духа путь от индивидуального способа простейшего мироощущения по направлению к разуму. Кто это осознает? Есть ли успехи этого движения? Кто этим занимается? Почти никто. Даже система воспитания и образования в нашей стране не знает этого и не занимается этим. Образование должно иметь главную цель, которой должны быть подчинены все особенные способы образования, – развитие самостоятельности индивидуального духа, общее развитие мышления, движение к разумному способу бытия, подготовка к разумной практической деятельности в обществе. Это возможно только при условии, что власть будет работать в этом направлении, не допустит разрыва между словом и делом, не будет врать. Во власть должны прийти люди, осознающие необходимость развития разумной жизни, достижения всеобщего блага и ставящие эту цель перед собой, руководствующиеся в своей деятельности правилом: делать то, что должно быть в интересах всех людей.

Важно также, чтобы дух индивида, дух народа не застрял на ступени рассудка. Иначе ему ничего не объяснишь, ничего не втолкуешь, не опровергнешь. Он никогда не признает никаких аргументов, так как основной причиной ограничения развития не только индивида, общества, всего человеческого рода выступает рассудочный способ бытия духа, рассудочная ступень развития сознания.

Единичное, особенное существование и всеобщее существование – не одно и то же. Сложение особенного не есть всеобщее, всеобщая воля – не совокупность всех волей индивидов. Если человек застревает на своей природной определенности, на своих природных интересах, потребностях, на своей так близкой каждому, неповторимой и отличной от всех индивидуальности, то всеобщая сущность внешнего мира для него никогда не будет существовать. Человек индивидуально прежде должен достичь своей всеобщей человеческой природы. Если человек действительно определился в сути своего бытия, в сути своей жизни как заботе о самостоятельном осуществлении в себе всеобщего, т. е. разумного мира ощущений, желаний, интересов, то получение удовольствия и комфорта, доставляемых искусством, наукой, размышление о себе как единичном и особенном теряет значение прежде необходимого и становится второстепенным. Это происходит, потому что каждой ступени развития сознания и мышления человека соответствует определенное восприятие и понимание человеком окружающего мира. Линьков Е.С. говорит, что “при процессе воспитания всего менее нужно обращать внимание на своеобразие человеческой души, на индивидуальную уникальность, то есть на случайное. Развитие, образование, формирование души и духа состоит в том, чтобы научить индивида хотеть, желать и делать всё для всеобщего и пребывать в этом отношении к всеобщему! Тогда индивид пребывает в сфере истины. В противном случае – это мир превратного сознания и извращённого бытия”. Быть человеком и следовать истине есть одно и то же: значит, предназначение человека – добиваться всеобщего, следовать всеобщему. Идеей всеобщего блага, т. е. тем, что должно быть, нужно руководствоваться во всякой практической деятельности.

Не каждый человек способен мыслить, понимать мысли, т. е. обладать интеллектом. Ещё меньше людей способны мыслить разумно.

Я надеюсь, что читателям, способным и желающим размышлять, будет интересно узнать, в каком направлении необходимо развиваться каждому человеку и обществу, чтобы вырваться из пут извращенной иудейской идеологии, господствующей в мире.

О противоречии и истинном

Всему существующему свойственны противоречия, стороны которых мы называем противоположностями. Гераклит (р. ок. 544-540 до н. э.) высказал первым положение, что в себе и для себя сущее есть единство противоположностей. Именно Гераклит говорит: “Все течет, ничто не пребывает и никогда не остается тем же”. Платон говорит о Гераклите: “Он сравнивает вещи с речным потоком и говорит, что нельзя дважды войти в одну и ту же реку”, она течет, и мы окружены другой водой. Согласно Аристотелю Гераклит первый сказал глубокую мысль: “Бытие и небытие есть одно и то же, все и есть, и не есть”. Бытие и небытие суть одно и то же; бытие есть, но небытие, так как оно едино с бытием, также есть. Переход в каждое из них подвергается отрицанию; но *то, что оба просто находятся у самих себя – становится абсолютным определением необходимости и определением для-себя-бытия, как простого соотношения бытия с самим собою, соотношения посредством отрицания инобытия*. Как отрицание бытия, которое само есть отрицание в отношении меня, для-себя-бытие есть *отрицание отрицания*. Аристотель говорит далее: “Остается лишь одно, и из него через преобразование получается все другое; все остальное, кроме этого одного, непрочно”. Так как все есть и вместе с тем не есть, то Гераклит этим высказал истинное положение, что вселенная есть становление, процесс. Вселенную никто не создал. Возникновение и исчезновение самостоятельно не существуют одно отдельно от другого. Рассудок изолирует бытие и небытие как истинное и значимое; разум, напротив, познает одно в другом, познает, что в одном содержится другое. Если есть одно, то необходимо должно быть и другое – противоположное.

Противоположности обуславливают движение (изменение), развитие и самого существующего и его частей: объединение (притяжение), разъединение (отталкивание), уничтожение, возникновение нового целого и соотношения его частей. Секст Эмпирик упоминает, что Гераклит сказал: “Часть отлична от целого, но она есть то же самое, что и целое; субстанция есть целое и часть: целое – во вселенной, часть – в этом живом существе”. Каждое особенное существует лишь постольку, поскольку в его понятии содержится его противоположное. Субъективное есть, таким образом, другое объективности. Так как все есть другое другого, как своего другого, то в этом заключается как раз их тождество.

Абсолютная необходимость заключается в том, что сознание обладает истиной; но таким обладанием истины является не всякое вообще сознание, направленное на единичное, не всякое отношение, в котором оно есть лишь форма и содержанием которого является обычное содержание представления, а всеобщее в сознании, развернутое сознание необходимости, тождество субъективного и объективного. Лишь сознание, как сознание всеобщего, есть сознание истины; сознание же единичности и осуществление действия как единичное, самобытность, становящаяся особенностью самого содержания или самой формы, есть неистинное и дурное. *Зло и заблуждение состоят*, таким образом, лишь в отъединении сознания, в том, что *оно отделяется от всеобщего*. Люди обыкновенно полагают, что если они что-либо мыслят, то это должно быть только чем-то особенным; это, однако, заблуждение. Только всеобщность и необходимость составляют объективность.

Таким образом, уже 2,5 тыс. лет назад все единичное и случайное было в центре внимания познания, но были и попытки определить единство всего сущего, и попытки ответить на вопрос: что есть истина?

Человек в качестве чувствующего и созерцающего воспринимает то, что воздействует на его чувства, в качестве обладающего воображением – рождает образы и представления, в качестве желания и воли – определяет цели. Но в отличие от этих форм проявления своего бытия он способен удовлетворять высшую свою сущность – мышление, т. е. он может прийти к самому себе, к пониманию себя и окружающего мира. Человек познает мир с помощью мышления.

Вопрос об истинности определений мысли обыденным сознанием рассматривается лишь в применении к данным предметам, а вне этого применения кажется бессмысленным. Но именно этот вопрос и важен. Разумеется, мы должны знать, что следует понимать под истиной. Обыкновенно мы называем истиной согласие предмета с нашим представлением, т. е. предмету должно соответствовать наше представление о нем. В философском смысле, напротив, *истина* в своем абстрактном выражении означает *согласие некоторого содержания предмета с самим собой*. Это, следовательно, совершенно другое значение истины. Речь идет о соответствии мыслимых нами определений предмета самому предмету. Мы можем иметь в своем сознании много правильного, что вместе с тем неистинного. В обыденном сознании при пользовании конечными определениями мышления вопрос об истинности определений мышления вовсе не возникает. Сознание признает за ними значимость. Но все заблуждения происходят от того, что мыслят и действуют согласно конечным определениям, содержащим в себе неосознанную противоречивость. Поэтому конечные определения мышления имеют в себе неистинность. Существование конечных вещей так же не соответствует их понятию, потому что оно представляет собой противоречие бесконечного, всеобщего (родового начала) и индивидуальной единичности. *Вопрос об истинности сводится, следовательно, к выяснению того, какие формы имеют определения мысли – бесконечного или конечного.*

Из-за противоречивости окружающего мира мышление человека тоже противоречиво. Сознание и мышление запутывается в противоречиях: теряет свои мысли в постоянной не тождественности своих знаний предмету или явлению, остается в плену противоположностей своих мыслей, останавливается лишь на рассудочном моменте мышления – на “здоровом смысле”, не доходит до понимания самого себя и окружающего. Преодоление противоречий в сознании, а они составляют природу и необходимость самого мышления, выход за пределы рассудочного бытия духа, возможно только через отрицание своих прежних мыслей и знаний и восприятие новых, противоположных мыслей и знаний и через понимание того, что сознание и мышление способно разрешать противоречия. Наличие противоречия является основой процесса изменения и развития.

Все действительное содержит внутри себя противоположные определения, которые дает рассудок. Познание, точнее, разумное постижение предмета в понятиях означает именно осознание его как конкретного единства противоположных определений. Основу понимания, основу понятия составляет единство различных (противоположных) определений, данных посредством мыслей.

Наше понимание понятия предмета развивается вследствие собственной природы понятия, включающей в себя противоречие между простотой определений мысли и наличием у предмета различных свойств, их соотношением и взаимосвязью, в конечном счете, их единством в предмете.

Мышление свободно, если оно находится у самого себя, не в конечном субъекте, а в для-себя-бытии, т. е. когда оно использует понятия, которые не могут быть подвергнуты изменению воздействием извне. Мыслить – значит: во-первых, определять предметное, единичность вещей природы, находящихся в чувственном сознании, как всеобщее, как объективную мысль; во-вторых, познавая и зная объективное, всеобщее, оставаться по отношению к нему на точке зрения предметности. Мышление остается вполне соответствующим предмету, если мы не вмешиваемся и не искажаем понятие о предмете своими субъективными представлениями и случайно приходящими на ум догадками. В истине предмет существует для меня как само по себе сущее, свободное, и я есть для себя без субъективности, и точно так же этот предмет не есть воображаемый, лишь мною сделанный предмет, а внутри себя всеобщий.

В формировании сознания, в новом знании о чем-либо мышлением необходимо определяются различия, а в отношении различий вносится порядок. Лишь то, что вполне опреде-

лено, есть в тоже время понятное и годное для того, чтобы быть изученным и стать достоянием каждого.

Если определения мышления заключают в себе противоположность, то есть если они носят конечный характер, то они не соответствуют истине, абсолютно сущей в себе и для себя, и тогда истина остается чуждой мышлению. Мышление, порождающее лишь конечные определения и движущееся в них, называется *рассудком*. Конечность *рассудочных* определений мысли должна быть понимаема двояким образом. Эта конечность может состоять, во-первых, в том, что определения мысли только субъективны и всегда имеют противоположность в объективном. Во-вторых, – в том, что определения мысли, как имеющие ограниченное содержание, остаются противоположными как друг другу, так и еще более – абсолютному и истинному.

Рассудок есть форма сознания, в которой мышлением фиксируется определенность и изолированность от другой определенности того же самого объекта. Деятельность рассудка состоит в том, что она сообщает своему содержанию форму всеобщности, и всеобщее, как его понимает рассудок, есть некоторое абстрактно-всеобщее, которое фиксируется в противоположность особенному, но благодаря этому само, в свою очередь, тоже оказывается особенным. Так как рассудок действует разделяющим и абстрагирующим образом, то он, следовательно, представляет собою противоположность непосредственному созерцанию и чувству, которые всецело имеют дело с конкретным для себя содержанием и остаются при нем. Рассудок устанавливает противоположности. В рассудочном мышлении заключено противоречие: определенность объекта зафиксирована и изолирована от другой определенности. Эта фиксация является моментом, ограничивающим развитие понятия, а в своей крайности и переход от одной определенности к другой, следовательно, в свое иное – свою противоположность. Дальше установления противоположности рассудок не идет. Дальнейшее движение возможно только при решимости сознания способствовать переходу в содержащуюся в понятии противоположность. При этом рассудок уступает *разуму* – другой форме сознания и соответствующему ему мышлению. Этот диалектический момент мышления выводит сознание за пределы рассудочного. Постигание единства определений, единства в их противоположности приводит к положительному результату движения мысли.

Г. В. Ф. Гегель, давая логическую характеристику мышления, выделяет следующие три стороны всякого логически реального: а) абстрактную, или рассудочную, б) диалектическую, или отрицательно-разумную, с) спекулятивную, или положительно-разумную.

Эти три стороны надо рассматривать в качестве моментов любой логически-реальной конструкции, т. е. любого *понятия* и всего *истинного* вообще.

В познании эти моменты (стороны) могут выступать отдельно, но при этом, например, диалектический момент, взятый сам по себе, отдельно от рассудка, выступает, в особенности в научных понятиях, как скептицизм; в нем результатом мышления является голое отрицание. Скептицизм, несомненно, находит себе применение против конечного рассудочного сознания и мышления. Но скептицизм выступает и против разумного мышления. Способ действия скептицизма в опровержении разумных положений состоит вообще в том, что скептицизм превращает разумное в нечто определенное, т. е. всегда привносит в разумное некое конечное определение мысли или некое понятие отношения, которого вовсе нет в разумном. Затем скептицизм аргументирует против этого определения или понятия. Скептицизм сначала ложно понимает разумное, а затем опровергает его.

Диалектика выявляет подлинную природу определений рассудка как односторонних, конечных и ограниченных, т. е. отрицающих самих себя. Так Платон в своих диалогах берет все определенное и раскрывает, что оно, к сожалению, само разлагает себя, а дальше Платон не идет. Это отрицательная диалектика, которая абсолютно бессодержательна. Она указывает лишь на то, что все ограниченное конечное гибнет, обнаруживает, что конечное не истинно. Истина же остается без всякого определения. *Сущность всего конечного* состоит в том, что оно

само себя *снимает*, так как размышление переступает пределы изолированной определенности, приводит ее в соотношение с другими определенностями, благодаря чему эта определенность полагается в некоторой связи, но сохраняет свою прежнюю изолированную значимость. Только диалектика разумного мышления есть основа развертывания, движения мышления и представляет собой принцип, вносящий в содержание логического мышления имманентную связь и необходимость.

Различают *аналитический, синтетический и диалектический* методы познания.

Аналитическое познание исходит из понятия (целого) и развивает многообразие содержащихся в нем простых определений.

Синтетическое познание развивает определение понятия (целого) из определенного отношения различных определений.

Диалектическое познание – это столь же синтетический, сколь и аналитический метод познания, в котором первоначально всеобщее определяет себя из себя самого как другое по отношению к себе.

Диалектический момент является принципом всякого движения, всякой жизни и всякой деятельности в действительности. Он выводит за пределы рассудочного момента, возвышает над конечным образованием (определением, объектом), которое, строго говоря, ограничивается не только извне, а снимается посредством своей собственной природы и переходит в другое. Если чуждое понятию рассмотрение не идет дальше внешнего отношения противоположностей, изолирует их и оставляет их как прочные предпосылки, то, наоборот, понятие движет ими и выявляет их диалектику.

Так, например, смерть человека рассматривают как свойство человеческой жизни. Но истинное понимание состоит в том, что жизнь, как таковая носит в себе зародыш смерти, и что вообще конечное противоречит себе внутри себя и, вследствие этого, снимает себя.

Диалектика ставит себе целью рассматривать вещи в себе и для себя, т. е. согласно их собственной природе. Тогда и обнаруживается конечность односторонних, а поэтому и абстрактных определений рассудка. Не только в философском, в каждом обыденном сознании и во всеобщем опыте мы находим, что всякое абстрактное определение рассудка, взятое лишь таким, каким оно само себя выдает, непосредственно переходит в свою противоположность, и все, что нас окружает, может быть рассматриваемо диалектично. Мы знаем, что все конечное, вместо того, чтобы быть неподвижным и окончательным, наоборот, изменчиво и преходяще, а это и есть не что иное, как диалектика конечного, которое должно выйти за пределы того, что оно есть непосредственно, и перейти в свою противоположность. Отрицательное, получающееся как результат диалектики, именно потому, что оно представляет собою результат, есть вместе с тем и положительное, так как содержит в себе, как снятое, то, из чего оно происходит, и не существует без последнего. Это составляет основное определения третьей стороны логического, а именно спекулятивного или положительно-разумного момента.

Спекулятивный, или положительно-разумный момент (сторона) логического постигает единство определений в их противоположности и приводит к положительному результату движения логически-реальной конструкции. Это единство определений, хотя оно есть нечто мысленное и притом абстрактное, есть также конкретное, потому что это не простое, формальное единство, а единство различных определений. Спекулятивное по своему истинному значению есть то, что содержит в себе снятыми те противоположности, дальше которых рассудок не идет. Спекулятивное или разумное, следовательно, содержит в себе также противоположность между субъективным и объективным и именно поэтому представляет собой конкретное и целое. Разумное содержание, содержащее в себе объективное и субъективное, не может быть выражено в одностороннем суждении, потому что в их единстве они не только тождественны, но и различны. Разумное, истинное понятие, таким образом, показывает себя *опосредованным* через себя и самим собою и, следовательно, вместе с тем *непосредственным*.

Названные выше стороны логического мышления и истинного понятия, соответствуют трем ступеням (моментам) развития, проявления *одного всеобщего диалектического закона отрицательности*.

Действительно может развиваться и действительно развивается только конкретное единство бытия и мышления. Потому что всякая иная реальность, всякое иное существование, всякая другая особенная формация природы и духа, не говоря про конечное единичное существование, проявление природы, общества и мышления, представляют собой лишь развитие, но не саморазвитие. *Действительное, истинное, подлинное развитие есть лишь там, где есть саморазвитие*. Но именно только конкретно-всеобщее единство бытия и мышления и есть *самоопределение* вследствие своей абсолютной отрицательности. Значит, когда мы в повседневном нашем сознании говорим о развитии и при этом показываем конечные формы существования, это лишь формы проявления развития. Постигание единства мышления и бытия есть основная идея философии.

В первом моменте диалектического закона отрицания непосредственно-всеобщее переходит в свое иное, становится иным или одна определенность предмета снимается другой, т. е. выступает отрицательное через свое иное или другую определенность. Это первое отрицание. Непосредственное исчезло в ином, но это иное есть не пустое отрицательное, а иное первого, отрицательное непосредственного; оно, следовательно, определено как *опосредствованное*, – вообще содержит внутри себя определение первого. В этом состоит диалектический момент непосредственного. Тем самым первое по существу своему также удержано и сохранено в ином. – Удержание положительного в результате изменения первоначального содержания (непосредственного) является самым важным в познании, основанном на разуме. В то же время, достаточно лишь простейшей рефлексии, чтобы убедиться в абсолютной истинности и необходимости этого требования. Этот переход обычно связывают исключительно с переходом количества в качество и обратно. Связывание этого перехода с переходом количества в качество или, наоборот, ограничение его исключительно этой формой определенности есть деятельность рассудочного абстрагирования и произвола.

Во втором моменте иное, содержащее в себе первый момент, но уже как конкретное отношение непосредственно-всеобщего и иного или отношение одной определенности и другой определенности, становится другим иным или другой определенностью. – Непосредственно-всеобщее содержится в отрицательном – отрицательное заключает его в себе. Поэтому отрицательное есть иное в себе самом. Оно заключает в себе свое собственное иное и тем самым, как противоречие, есть положенная диалектика самого себя. Поэтому второй момент есть иное своего иного и есть отрицательное самого отрицательного.

Отрицательное отношение к себе самому есть *отношение рефлексии*. Во втором моменте выступает противоречие между двумя противоположностями. Здесь уже нет перехода в иное и не может быть, потому что выступила различенность определенностей в непосредственно-всеобщем. Во втором моменте вследствие различенности, вследствие рефлексии, вследствие уже не непосредственной, а рефлексивной определенности имеет место уже не переход, а, строго говоря, видимость в своем ином. Диалектический момент второго момента *состоит в полагании содержащегося в нем единства – наличия противоположных определений в пределах одного соотношения – противоречивого содержания*.

Рассудочное (формальное) возводит в закон тождество, низводит противоречивое содержание, которое оно имеет перед собой, в сферу представления, в пространство и время, в которых противоречивые моменты удерживаются одно от другого в рядоположенности и последовательности и, таким образом, выступают перед сознанием без взаимного соприкосновения. Рассудок считает, что имеет право на основании этого заявить, что противоречие немислимо; на самом же деле мышление противоречия есть существенный момент понятия. Рассудочное

мышление фактически и мыслит противоречие, но закрывает на него глаза и переходит от него к абстрактному отрицанию.

Видимость в своем ином и преподносят нам как единство и борьбу противоположностей. Но это не так. Действительная диалектика сущности – явления состоит в том, что сущность в себе самой как момент должна быть в единстве со своим явлением и отношением к себе как к явлению, но и явление в отношении к себе самому должно быть отношением явления к своей сущности. Только за счет этого имеется видимость сущности явления и явления сущности. Где здесь борьба противоположностей? Здесь дело не в борьбе, а едином основании моментов рефлексии.

Рассмотренная отрицательность – момент отрицательного соотношения с собой составляет источник всякой деятельности, живого и духовного самодвижения. Все истинное, субстанциональное имеет ее в самом себе. Единственно лишь на этом отрицательным соотношением с собой основывается снятие противоположности между понятием и реальностью и их единство, которое есть истина. *Единство определенности бытия и понятия есть истина.*

В третьем моменте из-за взаимодействия противоположностей или из-за проникновения одного в другое выступает иное своего иного или новая определенность. Это происходит *в результате преодоления рефлексии мышлением*. Иное своего иного или новая определенность есть результат опосредствования – достижения мышлением единства противоположностей. В третьем моменте рефлексия, вследствие развития собственной определенности, есть снятие себя, как рефлексии и, значит, восстановление непосредственного и есть результат некоторой опосредствованности. Снятие противоречия есть восстановление первой непосредственности, простой всеобщности; ибо иное иного, отрицательное отрицательного непосредственно есть положительное, тождественное, всеобщее.

Диалектический момент появляется в троичности определений, так как третье есть единство двух первых определений, а они, будучи разными, могут находиться в единстве только как снятые.

Основные моменты развития всеобщего единства бытия и мышления есть движение от непосредственного всеобщего через рефлексия к непосредственности этого же единства. Мы получаем, что развитие всеобщих моментов всеобщего содержания бытия и мышления есть настоящий, подлинный процесс *отрицания отрицания*, не выходящий из определенности самого всеобщего, то есть процесс в самом едином. Прав был Платон, считавший, что философское познание должно следовать исключительно всеобщей природе вещей и лишь определенность самого всеобщего как простого соотношения с собой выявлять в форме мышления. *Всеобщая природа вещей есть то высшее, до чего вообще доходит истинное познание.*

Одной из значимых в жизни и распространенных форм сознания является *представление*. Рассмотрим его противоречивость и неистинность.

У представления два основных момента: чувственное определение, от которого оно не может избавиться в определении субстанционального содержания, и неопределенная субстанция содержания. Представление относит любое, случайное чувственное определение к непосредственной или абстрактной субстанции чего-либо. Представление есть единство этих двух моментов, и есть противоречие, которое представление не знает. Так как представление не может обойтись без своих основных моментов, то для него противоречия нет. Именно поэтому представление оказывается самым распространенным и единственным способом духовной жизни. Между определениями представления нет никакой связи, одно определение безразлично к другому. Они не противоречат друг другу.

Как только мы начинаем мыслить хоть одно чувственное определение субстанционального содержания представления, оно сразу оказывается различным в себе самом. Вместо абстракции чувственного определения мы сразу получаем определение хоть и чувственное, но уже определенное в нем самом. Тогда хоть немного начинает проясняться, откуда и почему

эти чувственные определения существуют друг возле друга и относятся к одной и той же субстанции. Абстракция и случайность чувственных определений впервые начинают сниматься в представлении через первый шаг к деятельности разумного мышления.

Разумное мышление начинается с того, что осознается противоречие, во-первых, каждого чувственного определения субстанционального содержания внутри него и между ними и, во-вторых, противоречие между каждым чувственным определением и субстанцией. И, наконец, здесь выступает третий момент: в связи с этими двумя моментами осознается противоречие чувственных определений как таковых и самой субстанции как содержания, несоответствие чувственных определений вообще субстанциональности содержания. Вот в этом и состоит суть. Охватить все три момента значит понять, что такое представление как способ познания. За счет знания этих трех моментов и связи их мы впервые начинаем понимать представление. Если мы ничего еще не сделали, не двинулись в том направлении, чтобы начать понимать противоречие способа представления, мы никакого отношения к разумно мыслящим существам не имеем. Разумность наша начинается с осознания противоречия представления.

Если христианское представление говорит, что есть триединый бог, то, как представление их соединяет? “Есть бог-отец, бог-сын, бог-дух”. Эти определения прямо взяты из чувственного мира и возводятся в форму всеобщности. Буквально мы не должны рассудочно это понимать, это всего лишь аналогия. То есть в чувственном мире, в конечных вещах и явлениях вот такие-то отношения являются подобием того, что мы говорим о всеобщем субстанциональном содержании. Но отправляться нужно от чувственной определенности. Равнодушие существования трех моментов одного бога уже заставляет нас размышлять над этой “премудростью”. Пусть это – три самостоятельных момента, непонятно пока даже, какой из них главный. То ли отец главный, тогда непонятно, зачем сын. Если главный сын как что-то действительное, в чем получает реальность отец, тогда зачем дух? Если дух – зачем отец и сын? Вывод получается простой: в представлении эти три момента совершенно не определены по значению. Каково соотношение трех моментов? Оставаясь в пределах способа представления, окончательно дать ответ невозможно: все три момента оказываются одновременно и главными, и второстепенными. Философия не хочет довольствоваться неопределенностью этих моментов, этих определений содержания представления потому, что не хочет довольствоваться неопределенностью самой субстанции, сущности. Взгляд философии прост: там, где сущность абстрактна, неопределенна в себе самой, она – не сущность, а всего лишь явление. Когда мы ставим вопрос, какова сущность чего-то, то это что-то предполагается для представления как нечто чувственно определенное. А когда мы хотим получить ответ, нам подсовывается какая-то абстракция вместо сущности, и получается какая-то абстрактная сущность, $A=A$. Ведь она еще при этом должна быть именно сущностью этой конкретной чувственной определенности! Абстрактная сущность должна быть сущностью чего-то определенного? Это составляет противоречивое в самом себе содержание любой религии и в том числе христианской. Это содержание бессмысленно. Все спекуляции о понятии христианского “триединства”, как проявления сущности бога для людей в трех ипостасях, о мировом духе, как единой всеобщей сущности в себе и для себя, бессмысленны. Между абстрактной сущностью и самой жалкой чувственно определенной реальностью различий нет. Это лишь воображаемая сущность, ее нет вовсе, потому что такая сущность сразу поглощается самой определенностью реальности. Раз уж реальность обладает в себе чувственной определенностью, тем в большей степени сущность бога должна обладать в себе самой этой определенностью. Сущность – это не уничтожение определенности чувственного мира, а всестороннее, абсолютное, всеобщее развитие определенности чувственного мира, и в этом состоит отрицание этого чувственного мира. В этой связи находятся и *драматические* явления в жизни, которые означают самоотрицание содержания духовного бытия (сознания и мышления) при столкновении особенных рассудочных

определений с чувственными интересами и представлениями, их умирание, гибель и рождение реальной сущности, начала разумного бытия духа.

Для обыденного сознания основой *учения о счастье* является удовлетворение влечений. Но это отношение есть зависимость, определяемая природой человека и, следовательно, в ней нет свободы.

Несколько слов о материализме и материи. Материализм признает истинно объективным материю – бытие объектов, воспринимаемое чувствами. Для всех форм материализма материя есть конечная форма существования. Такая материя постоянно возникает и исчезает. То есть, материи как вечной нет – материя всегда есть положенная и снятая. Тем не менее, она является необходимой, потому что это – сфера наличного бытия. Значит, если материя и имеется, то не благодаря тому, что она причина себя самой, а потому, что она положена вечным единством природы и духа, бытия и мышления. Этот истинный взгляд и истинное понимание материи развил Платон. Всеобщее (а не каждую вещь, как учит диамат) он называл идеей. Оно никогда не могло бы быть, если бы материя с необходимостью не была иным этой идеи. Значит, всеобщее существует через свою собственную определенность, вот этой-то определенностью и является материя. Поэтому можно сказать: материя есть всего лишь содержание. Но этой материи не хватает всеобщей формы, потому что материя всегда существует для современного эмпиризма (материализма) как особенная форма. Заявления, что материя сама в себе содержит всякие способности, возможности самодвижения, саморазвития и т.д. – это все из области предположений и теорий, исследований этого нет! Это – желание придать характер абсолютности как раз конечному существованию. То материя объявляется сферой существования конечных чувственных образований, то – потусторонней абстракцией. А то еще материя есть философская категория в голове для названия того, что ощущается. Почему так происходит? Потому, что все вместе взятые исторические формы материализма никогда не исследовали единства бытия и мышления, никогда не исследовали всеобщего содержания вселенной. Если они не исследовали всеобщего содержания, то откуда же эти формы эмпиризма возьмут всеобщую форму?

Подчеркивая взаимосвязь трех сторон мышления, Гегель рассматривает возможность, когда мышление или сознание ограничено рассудочной стороной. Рассудочное мышление не гибко, оно односторонне. Оно в своей последовательности ведет к губительным и разрушительным результатам, когда блокирует развитие противоречия в мышлении и сознании и доступ к истине. В политической и общественной жизни, в жизни отдельного человека мы наблюдаем, как часто такое блокирование развития противоречия, основанное на рассудочном одностороннем определении, используется для обоснования “законности” интересов некоторых государств и групп, отдельного человека и с целью воздействия на сознание и мышление людей, на принятие вследствие этого ошибочных решений.

Например, уверенность в своей божественной избранности иудеев, которая якобы дает им право управлять миром и рассматривать другие народы в качестве слуг или дикарей, отбирать и накапливать богатства и ресурсы им не принадлежащие, основана исключительно на представлении и рассудке. Эта уверенность в избранности в завуалированной форме внедрена в сознание народа США. США – государство, основанное иудеями и масонами. Идеологией иудеев определяется стремление США к однополярному политическому устройству мира, глобализации и к противостоянию с другими государствами и народами, не согласными с этими устремлениями. США после второй мировой войны для контроля над государствами сохранило оккупационный режим в Европе и Японии, разместив в них несколько сот военных баз, а во всем мире их размещено более восьмисот. США руководствуется принципом – “разделяй и властвуй”; разрушают политическую и экономическую систему государств, проводящих независимую от США политику. Один из идеологов американской внешней политики З. Бжезинский в своей книге “Великая Шахматная доска” писал: “... три великие обязанности

имперской геостратегии заключаются: в предотвращении сговора между вассалами и сохранении их зависимости от общей безопасности; сохранении покорности данников и обеспечении их защиты; в недопущении объединения варваров”. Государствам с небольшими территориями и населением практически невозможно противостоять коалиции бандитских государств во главе с США. Экстремистская, террористическая, фашистская, грабительская деятельность США и их сателлитов проводится под лживыми лозунгами демократизации и распространения “истинных” ценностей, борьбы с терроризмом и сепаратизмом.

Фашизмом Бенито Муссолини называл слияние государственной и корпоративной власти – власти “избранных” над всеми.

В самих США сформирована система утонченного рабства: шаг в сторону из рамок ценностей иудейско-масонской цивилизации означает для американца потерю общественного положения, денег, карьеры.

Противоречия, возникающие и основанные на рассудочном мышлении, на представлении и вере, могут иметь разрушительный характер.

Нам приходится быть свидетелями того, что кучка политиков, иудеев-ростовщиков на основании субъективных представлений, которые они считают непосредственно для себя наличными и объективными, принимают дикие, возмутительные решения, определяющие изменение жизни миллионов людей, и вынуждают силой им следовать. *Это преступные решения и*

действия. Это действия помешанных.

Отмечу, что именно иудейская элита России мечтает о развале и разделе России и уверено заявляет, что со временем это произойдет.

Свободный выбор народа должен стать основной нормой международного права. Но свой выбор, свою свободу народ должен быть способным отстоять и защитить от внешних и внутренних посягательств. При этом важнейшими условиями независимости являются размер территории, количество населения, обеспеченность природными ресурсами, уровень образования, развития науки и технологий, высокая нравственность народа.

Современное иудейское устройство мира таково, что всегда находятся желающие жить за счет порабощения и ограбления других людей и народов. Грабительские цели и действия США и Англии, враждебные всему человечеству, не встречающие противодействия со стороны других стран, обуславливают их доминирование и объясняют их стремление к такому доминированию. Заявления иудейского руководства США и Англии, что они так хорошо живут благодаря превосходству “демократического” устройства своих государств – наглое лицемерие и ложь империалистов, живущих за счет грабежа народов и ресурсов других стран.

Исторический кризис может развиваться и разрешаться в разных направлениях, в том числе опасных и трудных в смысле новизны положений. Необходима воля и осознание противоречий, целеустремленная деятельность людей, сила духа для преодоления этих трудностей, в том числе, для преодоления ситуации отчуждения, созданной окостенелостью рассудка, и разрушения иллюзий нормальности, стабильности и непрерывности. Для понимания того, что происходит в мире и что может произойти, прежде всего, каждый человек должен начать мыслить самостоятельно и развивать свое мышление. Развитие мышления и сознания может казаться чем-то таким, без чего можно обойтись, может казаться не необходимым. Но весь вопрос в том, что мы называем необходимым. Если у человека возникло желание освободиться от безразличного прозябания своего существования естественной животной жизнью, если у него возникла потребность избавиться в своей жизни от ее направленности на единичное преуспевание, тогда он приходит к пониманию необходимости развивать свое мышление. Только тогда он способен понять, что образовался огромный разрыв между духовными знаниями человечества и дикостью действительности в своей жизни, в жизни других людей и целых народов.

По способности конкретного человека разумно разрешать противоречия в своей жизни можно установить критерий оценки развития его мышления и сознания. По способности государственных властей разумно разрешать внутренние и внешние противоречия, по способности руководителей действовать в интересах собственного народа, решать противоречия с другими народами, не ставить народ, избравший эту власть, в зависимость от кого бы то ни было, можно сделать вывод о пригодности власти. Основой действительного народовластия является ответственность власти перед народом. Это требование гражданского общества должно быть в Конституции. Порядок досрочного переизбрания власти, при её неспособности работать в интересах народа, также должен быть установлен в Конституции.

Выяснение ложны или истинны взгляды, опровержение каких-либо взглядов или системы представлений должно проводиться с позиции развернутости до их целостности. Это означает проведение анализа их соответствия указанному выше Гегелем требованию к истинности любой логически-реальной конструкции или понятия. При этом анализе может быть найдена более высокая ступень понимания. Как высшее она должна скорее содержать внутри себя низшее. Это не должно быть мнение или субъективный произвольный способ представления и мысль того или иного индивида: я могу иметь такое-то мнение, а другой может иметь совершенно другое мнение. Убеждение, полученное на основании чувства, чаяния, созерцания и т. д., на субъективных основаниях, на особенности субъекта, есть *мнение*. Заявления: “я так думаю” или “это мое мнение” – бессмысленно и глупо использовать в качестве аргумента в пользу истинности высказанного взгляда или представления. Мнение не есть внутри себя всеобщая, сама по себе сущая мысль. Собеседники или ведущие программ по обсуждению каких-либо вопросов понимают, что никакого обсуждения и не происходит, – у них одинаковая реакция и на откровенную ложь и на продуманные, соответствующие реальности заявления – “это только ваше мнение!”. Совсем другое отношение у чиновников к заявлениям Президента или какого-нибудь высокопоставленного руководителя. Мы становимся постоянными свидетелями своеобразной формы холопства подчиненных, повторяющих без конца то, что сказал вышестоящий начальник без обоснования, без указания внутренних и внешних причин, без понятия. Но ведь повторение того, что сказал начальник, не предназначено для обсуждений и размышлений, даже если сказанное – полная чушь. В этом мы часто убеждаемся по результатам деятельности и власти, и чиновников. Кстати сказать, у некоторых чиновников и власти часто проявляется “особая мудрость”: говорить одно, а делать другое. Для нормальных людей – это означает врать, лицемерить, а для власти – это норма, тактика, проявление дальновидности. Что можно сказать о таком чиновнике, у которого мышление развилось по чьему-то мышлению или указанию. У него есть что-нибудь в своей голове? И чем больше отсутствует, тем он “адекватнее”, тем он более управляем, тем больше он подходит для власти, тем больше почестей такому типу.

Истина как мысль, определенная в себе, познается лишь посредством работы мысли. Мы познаем истинное не во внешне чувственном, не в интеллектуальном созерцании, не просто, без всякого труда, а лишь постольку, поскольку мы размышляем.

Опровержение противоположной стороны не должно идти извне, т. е. не должно исходить из допущений, которые находятся вне опровергаемого взгляда, мнения или системы и которым они не соответствуют.

При этом нужно исходить из признания безусловной свободы и самостоятельности сознающего себя субъекта. С этой точки зрения мышление должно изменить определения, при которых опровергаемые взгляды противоречат другим.

Истинное опровержение должно вникнуть в то, что составляет сильную сторону противника, и поставить себя в сферу действия этой силы: нападать же на него и одерживать над ним верх там, где его нет, не помогает сути дела. Именно *уяснение того, что предполагается известным той и другой стороне, единственно только и делает возможным соглашение и*

взаимное понимание. Поэтому точка зрения противника признается существенной и необходимой, и эту точку зрения поднимают до более высокой, исходя из нее самой.

Не так обстоит дело в мире и в нашей стране. Люди, имеющие и выражающие мысли, отличные от заявлений, декларируемых властью, игнорируются. Власть, заботящаяся только о стабильности и укреплении своего положения, предпочитает не замечать этих людей. Если “инакомыслящие” проявляют характер и продолжают распространять свои идеи и мысли, то таких людей власть объявляет экстремистами. Если люди организуют сопротивление произволу властей, то они объявляются террористами. Власть силой подавляет протест. Государство само осуществляет террор против своих граждан. -“Никаких переговоров с террористами”. Такая установка применяется только такой властью, которой наплевать на людей, на их жизнь и интересы. – Противоречие должно быть решено, но не силой с той и другой стороны. В настоящее время особенную опасность представляет терроризм, используемый государствами как инструмент внутренней или внешней политики, с экономическими и политическими целями: разрушения культурных и исторических отношений между народами внутри государства или отношений между государствами, развязывания войн, расчленения и уничтожения государств или неугодных режимов.

Противоречие должно стать для той и другой стороны понятным, видимым, ясным и получить определение того, в чем оно состоит. Это позволит ему непосредственно и естественным образом слиться со своим иным, со своей противоположностью и стать ему тождественным.

В своей необходимости каждая ступень познания и развития сознания в движении от абстрактного к конкретному знанию, как и все конечное, вследствие разрешения собственного противоречия отрицает свое определенное ограниченное содержание. Возникшее новое есть нечто определенное. В процессе снятия предшествующая ступень не исчезает, а переходит в более конкретную ступень, становясь ее моментом. Каждая необходимая ступень есть форма снятия необходимости предшествующих ступеней, но это снятие ограничено определенностью достигнутой ступени. Полное, лишенное односторонности снятие необходимости развития достигается на каждой такой ступени познания, на которой систематически развита снятая необходимость всех предшествующих ступеней, положено конкретное в самом себе всеобщее, достигнуто определение всеобщего тождества мышления и бытия.

Диалектический метод познания дает единство различных определений, поступательное развитие познания, приводит к познанию единства субъективного и объективного, мышления и бытия, бытия и понятия, к познанию абсолютной идеи.

О

критерии истинности

Исследование и проверка реальности знаний не может обойтись без критерия истины как меры соответствия нашего знания о предмете сущности или “в-себе-бытию” предмета. Когда же речь идет о проверке гипотезы или новой теории, то вообще нет критерия, а без этого проверка, по-видимому, не может иметь места, особенно, когда приходится вводить различные ограничения, основываясь на уже имеющемся знании. Эти ограничения рано или поздно придется устранить.

Сознание отличает от себя нечто новое. Это нечто должно обладать бытием и вне соотношения с сознанием. При этом новые определения, как являющегося знания, принимаются сознанием так, как они непосредственно даны в предмете или были постигнуты.

Противоречие между старыми и новыми знаниями и его устранение обнаружится определеннее, если мы вспомним абстрактные определения знания и истины в том виде, в каком они выступают в сознании в зависимости от степени развития сознания. Например, простая непосредственность составляет достоверность предмета для чувственного знания, а представления о всемогуществе бога, о загробной жизни составляют достоверность для религиозной веры. Для сознания достоверным становится самосознание, а для разума достоверностью становится вся реальность.

С помощью мышления человек способен выйти за пределы данного в чувствах, раскрыть взаимосвязь явлений, сопоставить представления о действительности с самой действительностью.

В исследовании истины знания о предмете, его “в-себе-бытие” есть скорее его бытие для нас. То, что мы утверждали бы в качестве сущности предмета, было бы скорее не его истиной, а только нашим знанием о нем. Знание или критерий истины исходили бы от нашего сознания. Таким образом, сознание в себе самом дает свой критерий и тем самым исследование будет сравнением сознания с самим собою, ибо различие которое было сделано сознанием, исходит от него. Сознанию вообще присуща определенность момента знания; в то же время, если это знание соответствует “в-себе” предмета, то это соответствие есть *момент истины*. Следовательно, в том, что сознание внутри себя признает в качестве “в-себе-бытия” предмета или в качестве истинного, мы получаем критерий истины, который сознание устанавливает для определения по нему своего знания. Главное, однако, в том, – и это надо помнить на протяжении всего исследования, что оба эти момента, знание о предмете и предмет, бытие для иного и бытие в себе самом, входят в само исследуемое нами знание и, следовательно, нам нет необходимости применять при исследовании наши выдумки и мысли. Важно освободиться от всякой формы субъективного мнения, случайности представлений. Отбрасывая их, мы достигаем того, что рассматриваем суть дела так, как она есть в себе и для себя самой.

В том, что сознание вообще знает о предмете, уже имеется различие, состоящее в том, что для предмета нечто есть “в-себе-бытие”, а некоторый другой момент есть знание или бытие предмета для сознания. На этом различии, которое имеется налицо, основывается проверка. Если в этом сравнении одно не соответствует другому, то, по-видимому, сознание должно изменить свое знание, дабы оно согласовывалось с предметом; но с изменением знания и предмет становится иным, ибо он по существу принадлежал этому знанию. Тем самым для сознания выясняется, что оно содержит “в-себе” предмета только для себя самого, а не для предмета. Так как сознание в отношении предмета находит свое знание не соответствующим предмету, то не остается неизменным и сам предмет; иначе говоря, изменяется критерий проверки, раз то, для чего он предназначался быть критерием, не выдерживает проверки; и проверка есть проверка не только знания, но и своего критерия, т. е. сознания.

Это диалектическое движение, совершаемое сознанием в самом себе в отношении своего знания и в отношении к предмету – поскольку для сознания возникает из этого новый истинный предмет, есть, собственно говоря, то, что называется *опытом*. Но *опыт в диалектическом материализме* – это та практика, которая есть основание и критерий истины, и о которой мы слышим со школы и института. Практика, как и теория – лишь способы отношения сознания и предмета. Напротив, именно сознание и мышление, занимаются познанием истины как единства природы и духа, природы и общества и проверкой соответствия истине всего конечного, в том числе практической деятельности и теоретического способа познания в опытных науках. Истина и есть высший и абсолютный критерий практики, производства и всего теоретического познания.

Субъект обладает деятельностью, волей, сознанием того, что он представляет собой. Субъект испытывает не только чувственно воспринимаемое, но и все представления, знания и определения своего сознания. В результате то, что было в предмете “в-себе”, становится некоторым бытием этого “в-себе” для сознания. Это есть новый предмет, вместе с которым выступает и новая форма существования сознания, для которой сущность есть нечто иное, чем для предшествующей формы. В опыте возникает то, чего прежде не было в отношениях между сознанием субъекта и предметом, а именно не было достоверности, которая равна моменту истины, т. е. определенному соответствию знания предмету.

Рассмотрим опыт с точки зрения моментов понятия – всеобщности и особенности. Определенность и содержание предмета выступают для сознания его всеобщим моментом и моментом особенности. Поскольку сознание имеет в себе момент всеобщности и имеет внутреннюю связь с моментом особенности, то через эту связь и происходит познание, осознание предмета. Через опыт, рассматривая явление, сознание формирует и определяет особенность предмета. Результатом опыта является установление особенности связей явлений – то, что называется законами, т. е. определение знания как *проявления необходимости*. Но в опыте мы никогда не получаем всеобщую необходимость. Потому, что хотя моменты для внутренней необходимости в опыте налично: есть момент особенности, момент всеобщности в самом сознании, момент особенности и всеобщности в предмете и в отношении сознания и предмета, но эти моменты в сознании выступают как внешние друг для друга: предмет – с одной стороны, сознание – с другой. Сознание благодаря этим моментам есть осознание и раскрытие определенности самого предмета. Это момент тождества сознания и предмета. Когда фиксируется момент тождества сознания и предмета, это и получает выражение “ $A=A$ ”. Когда усваивается и удерживается момент различия, то выступает второй закон формальной логики – закон разности и т. д. Но за пределами этого тождества всегда будет оставаться непознанное различие сознания и предмета. *Ограниченность* опыта вызвана тем, что он исходит из противоположности объективного мира и сознания. Это делает опыт и опытные науки позитивными, которые не могут уйти дальше внешней необходимости. Это делает опыт в высшей степени ограниченным и неудовлетворительным, несмотря на его постоянный прогресс. Опыт всегда будет связан с особенностью предмета. Так как любая особенность связана с всеобщностью, а всеобщность в опыте не выступает и не является предметом познания опыта, то возможности опыта ограничены, а его результаты всегда будут для него неожиданными и непознаваемыми.

Если ставить вопрос об отношении к истине, то опыт всегда имеет дело с явлениями истины, но не с истиной. Поэтому обыденное сознание полагает, что истин во вселенной существует неисчерпаемое множество. Это связано с тем, что обыденное сознание считает единичное, конечное всегда бесконечным, всеобщим, преходящее и временное считает абсолютным. А истина во Вселенной одна, и этой истиной является то единство противоположности мышления и бытия, без которого для нас во Вселенной ничто не может ни возникнуть, ни существовать. Проявлений этой истины действительно существует неисчерпаемое множество и по форме и по содержанию, но сама истина одна. Поэтому всегда, когда нам дают такие опреде-

ления, как, например, “всеобщая абсолютная истина складывается из относительных истин”, мы должны понимать, что этот вывод прямо проистекает из опыта. А опыту не остается более ничего, кроме как складывать формы проявления истины. С позиции опыта истина – это цель, к которой мы вечно движемся, стремимся, но которая вечно остается потусторонней для теоретического и практического процесса познания, т. е. для сознания. Истина, существующая потусторонне для мышления, на самом деле не существует нигде, кроме как в субъективном представлении.

Содержание и форма опыта всегда есть ограниченное, особенное содержание и форма. Отношение сознания и предмета в опыте также представляет собой *особенное отношение*. Это обусловлено природой опыта, неразвитостью моментов опыта до их всесторонней определенности. Все дело в этом. Поэтому в опыте момент всеобщности остается внешним моменту особенности. Значит, в опытном сознании всеобщее не реализует себя в особенное, но и особенное не разлагает себя во всеобщее. Как особенное может стать чем-то иным, если оно имеет всеобщность вне себя? Это означает постоянное и неизменное отношение особенного и всеобщего. Особенное и всеобщее в опытном познании тождественны себе самим, они себе не противоречат. Отсюда и принцип “ $A=A$ ”, который характеризует метафизическое мышление. Все сводится, в конце концов, к абстрактной всеобщности, абстрактному тождеству с самим собой, которое существует только в голове. “Возводите все единичное через особенное во всеобщее”. Такова логическая последовательность опыта и опытного и, следовательно, метафизического мышления.

В отличие от опытного познания *философское познание* дает понимание того, что единство бытия и мышления существует и выступает впервые в разумных определениях мышления.

Философия обязана своим существованием предшествующим способам познания – искусству, представлению и прежде всего опыту, науке.

Искусство уже свидетельствует, что опытные науки ограничены, преходящи и ничтожны в себе. В искусстве впервые совершается выход человеческого бытия за пределы особенности содержания. Опытное познание начинается и кончается тем, что оно всегда фиксирует противоположности в абстрактных отношениях: внутреннее и внешнее, причина и действие и т. д. Когда эти односторонности (абстракции) сопоставляются с чувственной определенностью, они выглядят убогими. Искусство есть самая первоначальная, самая необходимая форма хоть какого-то единства моментов всеобщности и особенности в духовной деятельности человека. В искусстве всеобщее выступает в чувственной определенности, а чувственная определенность выступает как всеобщее. Это и есть содержание искусства. Так как всеобщность в искусстве выступает в определении предметности, то в этом проявляется не только ограниченность искусства, но и доступность для любой ступени сознания. Отметим, что для понимания искусства требуется развитие сознания до самосознания, позволяющее постичь всеобщее. *Произведение искусства* есть не что иное, как высшая форма единства всеобщей природы любого предмета и его особенной реальности, которая подчинена этой всеобщности. Именно отсюда следует общедоступность искусства для любой ступени развития человеческого духа за счет *соединения всеобщего и особенного в чувственном*, имеющем чувственную определенность облик. Но восприятие произведения искусства – истинное содержание или только внешняя чувственная определенность – находится в зависимости от ступени развития сознания индивида.

Возвратимся к *опыту*. Следует отметить, что в опыте начинается один из важных моментов самоутверждения человека. Собственный опыт есть начало самостоятельности и свободы.

Опытное знание есть условие и выражение определенности конечного предмета, конечного содержания. Оно не ограничивается тем, чтобы просто воспроизводить, но оно раскрывает определенную форму связи, то есть направляет мышление на осознание внешней необходимости в определенности эмпирического содержания. Опытное познание постигает

необходимость в отношениях причины и действия, основания и следствия, силы и ее проявления, всеобщности, рода и единичных существований, относящихся к сфере случайного. Рассматривая отношения конечных явлений, познание и наука превращают конечный мир в универсальную систему, в основании которой полагают определенные отношения, связанные с изначальными вещами, производными которых они являются. Таким образом, наука ищет особенные причины и основания, или самые общие причины и основания, не выходя за пределы конечного, без их абсолютной значимости. Опытное познание всегда практически и теоретически ограничено исключительно сферой особенного. Всеобщность в опыте не выступает. Всеобщность не является предметом познания теоретического и практического опыта. Последствия опыта всегда будут для опыта неожиданными, непредсказуемыми, непредвидимыми, так как последствия связаны с тем, что выходит за пределы возможности опыта.

Если человек хочет удовлетворять только свои животные потребности и пребывать в своем животном бытии, то для этого и существуют все опытные науки. Они ничего не могут дать, кроме средств животного воспроизводства человека или уничтожения.

Если опыт вертится вокруг тезиса “бытие вне сознания”, то, напротив, разумное познание тогда и начинается, когда определенность содержания существует только в определениях мышления и нигде, кроме определений разумного мышления.

Бытие это не только чувственно воспринимаемое бытие. Самой мысли, по мнению многих современных философов, бытие не присуще: бытие вне сознания есть, а сознание – вне бытия, значит, сознания нет! Сознания нет, ему не присуще бытие, есть только единственное бытие, но откуда и как они узнали, что есть бытие, они не знают.

Диалектическое движение, совершаемое сознанием в самом себе как в отношении своего знания, так и в отношении своего предмета представляет необходимость последовательности развития и существования форм сознания. *Необходимость* развития сознания и последовательного существования различных форм сознания обусловлена наличием и развитием противоречия между противоположностями мышления и бытия в их единство. Движение сознания приведет к его истинному существованию в разуме, в котором явление станет равным сущности, и выразит природу самого абсолютного знания.

Положение о том, что мера соответствия знания истине определяется сознанием, имеет важнейшее значение в жизни отдельных людей и общества в целом.

Так как сознание различается в соответствии с различием знаний, которыми оно обладает, а также в зависимости от развития сознания, люди будут принимать за достоверность те или иные определения предметов и явлений, ту или иную информацию.

Определения вещей могут даваться сознанию извне. Если люди не мыслят или обладают неразвитым сознанием, то принимают любую информацию и считают ее достоверной, даже если она представляет дикую, чудовищную ложь. Природные вожделения и склонности сами собой вносят свои интересы в сознание, безнравственные цели находятся в нем совершенно непосредственно, а самое неправомерное и безнравственное содержание воли получает оправдание.

Если информация не осмысливается и не проверяется сознанием, то принимается человеком на веру. Это не знание, соответствующее истинному содержанию, так как люди, не утруждая себя размышлением, принимают информацию, доступную представлению, как соответствующую действительности и ограничиваются этим. Понимание и знание у таких людей легко заменяется новой верой и новым представлением. Это происходит потому, что люди привыкли жить, основываясь на своих представлениях, используя имеющиеся в их сознании фиксированные рассудком ограниченные и конечные определения, которые люди считают понятиями.

Нам говорят, что бог есть, и мы это принимаем или не принимаем, но не говорят нам, что именно представляет он собой, так как такое знание было бы познанием и было бы опосред-

ствованным, конечным и ограниченным знанием, не соответствующим бесконечному всеобщему содержанию бога. Таким образом, бог как предмет религии, явно сводится к богу вообще, к неопределенному и неведомому богу, к всеобщей абстракции.

За сознание людей через СМИ, литературу, искусство, кинематограф, интернет идет жесточайшая борьба, сопровождающаяся ложью, подкупом, клеветой и подлостью. От зла, воздействующего на сознание, нельзя удерживать посредством запретов, законов и т. д. Зло найдет лазейку или ему помогут “доброжелатели”. Перед злом может и должна быть *преграда*. Этой преградой может быть только мышление и сознание. Только мышление и сознание способны *противостоять злу*. Задача противостоять злу может быть решена только через воспитание и образование, развитие самостоятельного мышления. Лечение от зла может и должно происходить только посредством *изменения мышления*, которое производится самим же мышлением, и развитием сознания.

После Победы народов, экономики и идеологии Советского Союза в Великой Отечественной войне над капитализмом и фашизмом, американцы поставили перед своими спецслужбами задачу ослабить противника и утвердить свое глобальное лидерство в мире. Для этого нужно было навязать людям, живущим в СССР, другие представления об экономике и другую идеологию; навязать стремление к животным удовольствиям; разложить изнутри общество; обогатить и извратить историю; разложить литературу и искусство; изменить сознание, заменив общественные ценности личностными и потребительскими; найти для этого помощников (сформировать пятую колонну: контролировать, финансировать и поддерживать политиков, шпионов, олигархов, дипломатов, чиновников, экспертов и общественных деятелей); превратить советскую молодежь в космополитов.

Один из организаторов разведывательной и шпионско-диверсионной деятельности против СССР А. Даллес еще в 1945 году сформулировал в “Размышлениях о реализации американской послевоенной доктрины против СССР” идеи “холодной войны”:

“Окончится война. Все как-то утрясется, устроится. И мы бросим все, что имеем, – все золото, всю материальную мощь на оболванивание и одурачивание людей!

Человеческий мозг, сознание людей способны к изменению. Посеяв там хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти фальшивые ценности верить. Как? Мы найдем своих единомышленников, своих союзников в самой России.

Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого непокорного на земле народа, окончательного, необратимого угасания его самосознания. Из литературы и искусства, например, мы постепенно вытравим их социальную сущность, отучим художников, отобьем у них охоту заниматься изображением и исследованием, что ли, тех процессов, которые происходят в глубинах народных масс. Литература, театры, кино – все будут изображать и прославлять самые низменные человеческие чувства. Мы будем всячески поддерживать и поднимать так называемых художников, которые станут насаждать и вдалбливать в человеческое сознание культ секса, насилия, садизма, предательства – словом, всякой безнравственности. В управлении государством мы создадим хаос и неразбериху.

Мы будем незаметно, но активно и постоянно способствовать самодурству чиновников, взяточников, беспринципности. Бюрократизм и волокита будут возводиться в добродетель. Честность и порядочность будут осмеиваться и никому не станут нужны, превратятся в пережиток прошлого. Хамство и наглость, ложь и обман, пьянство и наркомания, животный страх друг перед другом и беззащитность, предательство, национализм и вражду народов, прежде всего вражду и ненависть к русскому народу – все это мы будем ловко и незаметно культивировать, все это расцветет махровым цветом.

И лишь немногие, очень немногие будут догадываться или даже понимать, что происходит. Но таких людей мы поставим в беспомощное положение, превратим в посмешище, найдем способ их обогатить и объявить отбросами общества. Будем вырывать духовные корни, опощ-

лять и уничтожать основы народной нравственности. Мы будем расшатывать, таким образом, поколение за поколением. Будем браться за людей с детских, юношеских лет, главную ставку всегда будем делать на молодежь, станем разлагать, разлагать, развращать, растлевать ее. Мы сделаем из них циников, пошляков, космополитов. Вот так мы это и сделаем”. Это – так называемый “План Даллеса”. Его считают фейком. Но дело состоит в том, что этот план осуществлялся.

Из-за предательства и нежелания правящей верхушки работать в интересах людей Советский Союз развалился. США добились поставленной цели. Социалистическая экономика и идеология были извращены, оболганы и уничтожены. Желание народов – сохранить СССР, было проигнорировано властями. Люди промолчали, так как их сознание, особенно в крупных городах, было извращено чисто потребительскими и частными ценностями. Люди хотели получать денег много больше, чем другие, кушать больше и лучше, чем другие, ездить на дорогих иномарках, смотреть импортные телевизоры, “жить в лучших условиях и в свое удовольствие” и не работать, эксплуатируя дешевую рабочую силу, занимаясь ростовщичеством, спекуляциями, продажей наркотиков и воровством, ничего не производя. Управлять государством стали олигархи, банкиры, чиновники – люди с иудейскими устремлениями и ценностями. Россия с развалом Варшавского блока проиграла политическую войну, проиграла “экономическую войну”, потеряв экономическую и финансовую независимость. Государственные чиновники, сознательно развалили социалистическую экономику и финансовую систему, провели преступную приватизацию, присвоив себе общенародное достояние, включились в нефтедолларовую систему и систему центральных банков, подконтрольных ФРС. Власти России целенаправленно разрушают образование и науку, здравоохранение и медицину. Россия стала вассалом США, превратилась в колонию и сырьевой придаток западной “цивилизации”, проиграла “информационную войну” за сознание людей. Сейчас США и Запад продолжают борьбу с Россией, используя российскую власть в распродаже природных и человеческих ресурсов.

О понятии

В логике Гегеля, понятие как истина бытия и сущности, как первоначало и содержание всего действительного лежит в основании всего действительного. Понятие свободно, деятельно и не зависит от мышления, не зависит от того мыслим мы или нет. С другой стороны, без духовной деятельности сознания, без развития сознания до разумной его формы, как единства субъективного и объективного, нам не прийти к понятию.

Определение форм, которые получает мысль в деятельности познания, – различных видов суждений и умозаключений – представляет содержание обычной логики. Она дает выражение лишь деятельности рассудка, и получила значение дисциплины, обучающей нас правильно мыслить. Она будто содержит выставляемые нашим рассудком, так называемые законы мысли. Получается видимость, что благодаря этим законам, мы достигаем правильного разумения, опосредования. Но обычная логика не представляет собой движения мышления к пониманию самих вещей, а мышление представляется как формальная деятельность, которая, хотя и протекает правильно, все же получает свое содержание извне. Мышление, понимаемое в этом смысле, превращается в нечто субъективное. Так как этим суждениям и умозаключениям, основанным на рассудке, недостает содержания, то они недостаточны для познания истины.

Отдельные моменты в мышлении, основанном на рассудке, и в движении мышления, как такового, не связаны друг с другом. Существует много видов мышления и умозаключения, каждое из которых, взятое самостоятельно, значимо и само по себе правильно. Они и выражают суть содержания: отличное друг от друга, равнодушное друг к другу бытие. Таковы, например, знаменитые законы тождества, противоречия, исключения третьего, достаточного основания и т. д., умозаключения и т. д. Это формы мысли рассудочного мышления и сознания. Но в этой разрозненности они как раз и неистинны, а лишь их целостность есть истина мышления, ибо

эта целостность одновременно и субъективна и объективна. В разрозненности они представляют собою только материал истины, бесформенное содержание.

Существует много наук, познаний и практик, которые не знают и не применяют никаких других форм мышления, кроме этих форм конечного, рассудочного мышления, которые и на самом деле составляют всеобщий метод конечных наук. Математика, например, представляет собою непрерывное умозаключение, юриспруденция есть подведение особенного под всеобщее, сочетание этих обеих сторон.

Рассудок определяет понятие как общее представление. Рассудок считает, что понятие возникает благодаря тому, что опускается все особенное и сохраняется то, что есть общее. Но такие понятия пустые и бессодержательные, одни схемы и тени. Например, дом, человек, животное и т. д. – простые определения и абстрактные представления – абстракции, заимствующие от понятия лишь момент всеобщности и опускающие особенность и единичность.

Рассудок считает, что мы образуем понятия. Но это не так. Понятие вовсе не должно рассматриваться как нечто возникающее. В понятие входит не только непосредственное бытие, но и опосредованное, которое находится в нем самом. Наше стремление познать понятие и провоцирует рассудок приписать свое участие к “возникновению” понятия. Понятие есть опосредствование через себя самого и самим собою. Понятие вечно, но не результат деятельности сознания. Не сознание образует понятия. Понятие есть истинно первое. Вещи существуют благодаря деятельности присущего им и открывающегося в них понятия. Понятие не нуждается для своей реализации в находящемся вне понятия материале.

Независимо от того, что делается исходным пунктом содержания – сущность или явление, – все равно содержание никуда не ведет, если не принимается во внимание значение формы мышления, которая должна быть единством противоположностей субъективного и объективного, выступающим исключительно благодаря определенности самого мышления. Идя от содержания, мы никогда не получим ни всеобщности, ни необходимости. Мы в процессе познания должны идти не от вещей к мышлению, а, наоборот, от мышления к вещам. Но к истинному разумному мышлению можно прийти только сознательно, делая мышление предметом своего познания и тем самым избавляясь от природной превратности и неистинности мышления. Нельзя сознавать истинное содержание, если мы не добрались до разумной формы мышления.

Понятие начинается лишь на той ступени познания, когда раскрывается всеобщая определенность данного предмета. Что такое всеобщее? Это не совокупность единичного, т. е. не все единичные, не общность. Но это и не просто отрицание единичного или особенного, которое дает абстракцию всеобщего без его определенности. *Для обоснования существования понятия чего бы то ни было следует рассмотреть – имеет ли оно определения всеобщности и необходимости.* Если оно согласуется с этими определениями, тогда его существование оправдано, а не согласуется – с ним нужно проститься. Очевидно, что и основанием понятия человека не является его особенное, в том числе преходящее или превратное.

Понятие называют истиной бытия и сущности. Бытие и сущность в диалектическом развитии переходят в единство понятия.

Понятие содержит в себе: 1) момент всеобщности, как свободное равенство с самим собою в его определенности; 2) момент особенности, определенности, в которой всеобщее остается равным самому себе; 3) момент единичности, как рефлексии внутрь себя определенностей всеобщности и особенности.

В современном философствовании понятие представляет или абстракцию всеобщности, или особенности, или эмпирическую единичность ощущений. В истинной сущности предмета никакой абстрактной сущности не существует (нет ее наличного бытия), ибо в таком случае она должна быть всеобщностью, оставляющей вне себя особенность и единичность, или, наоборот, это такая особенность и единичность, в которой нет всеобщности, т. е. это то, с чем мы имеем

дело в опытном познании. Понятия, с которыми мы имеем дело, представляют собой модификации понятия в себе и для себя, т. е. модификации с разной степенью развития моментов единичности, особенности, всеобщности и разного способа развития и связи этих моментов друг с другом. Поэтому отношение бесчисленных модификаций понятия в процессе мышления и единого понятия в себе и для себя такое же, как отношение, например, в сфере содержания любого единичного предмета и всеобщей, конкретной в самой себе сущности предметного. Предмет вообще не может существовать, если он есть только единичность и ничего, кроме единичности. Если мы определяем предмет только как особенность и ничего, кроме особенности, то такого предмета также не может быть. *Посредством понятия, содержащего моменты единичности, особенности и всеобщности в их связи, мы познаем единство этих трех моментов в самом предмете, т. е. познаем только его понятие.*

Линьков Е.С. говорит, что осознание необходимости понятия начинается с его противоположности – с опыта, который имеет дело только с единичностью и особенностью предметов, так как необходимость раскрывается при рассмотрении противоположных определений или моментов содержания бытия. Одной из главных предпосылок познания служит *теоретический и практический опыт*. При проведении опыта мы имеем различенность внутреннего и внешнего, субъективного и объективного, внешнего мира и человека в отношении к этому миру – различенность или отличие человеком внешней природы от себя самого. Ведь опыт состоит в достижении единства различных моментов: человека и внешнего мира. Опыт – процесс достижения этого единства. Можно ли в опыте достичь единства бытия и мышления? В теоретическом опыте *сознание противостоит внешнему миру и с необходимостью предполагает внешнее бытие предмета сознания*. Сознание старается раскрыть определенность предмета, идет по пути достижения единства предмета и себя самого. Насколько это удастся и каков результат опыта? Сразу встает вопрос об отношении предмета и сознания. Что первично: сознание или предмет? Ответ на этот вопрос важен, так как этот вопрос разделил материализм и идеализм. На самом деле этот вопрос основан на полном непонимании того, что на самом деле имеется в отношении между сознанием и предметом. Конечно, природа существовала и до человека. Но вот откуда взялось сознание? Если сознание уже есть, то не возникают вопросы: откуда сознание, какова необходимость, как оно возникло? Кто-нибудь брался ответить на эти вопросы? Никто и никогда. Лучше отделяться лозунгами: “Сознание есть отражение предмета, предшествующего сознанию”. Это означает: предмет есть, а сознания еще нет. Что представляет собой сознание, независимо от того, истинна или ложна предпосылка предшествования предмета сознанию? Но ведь если нет сознания, то нет и определенности предмета. А ведь еще важно, чтобы сознание отличало себя от определенности предмета. Нужно чтобы сознание и определенность предмета были не только тождественны, но и существовал момент различия сознания и предмета, т.е. момент особенности. Мы можем сознавать, что бы то ни было только тогда, когда сознание отличает себя от предмета, а не только знает тождественность этого предмета и определенность этого предмета. Иначе, это означает, что определенность есть только в предмете, а в сознании – нет. Но тогда нет и определенности предмета. Значит, имеется собственная определенность сознания, отличающая сознание от предмета помимо определенности в предмете, и определенность сознания не исчерпывается определенностью предмета. Отсюда следует, что сознание только тогда и начинает относиться к предмету и быть сознанием, когда сознание относится к себе самому. Это означает, что сознание выступает предметом для себя самого. И это необходимая и безусловная предпосылка того, чтобы сознание имело предметом что-то вне себя.

Диалектический материализм держится всего лишь на голом уверении: “Бытие первично, сознание вторично”, – так как он не знает, как бытие становится мышлением, не познает необходимость этого. Обратите внимание, определенность внутри сознания есть предпосылка определенного отношения сознания к предмету и познания этого предмета. Так как внешний

мир предстает для нас, прежде всего, как бесконечное многообразие единичных существований, то когда встает вопрос о сознании, нам объявляют по аналогии: мышление тоже должно быть единичным и даже акциденцией бесконечного многообразия единичностей, т. е. собрание единичностей во внешнем мире – это что-то фундаментальное, глобальное, настоящий базис и прочее. Акциденция и объявляется познанием окружающего нас мира, т. е. самое превратное и случайное должно давать нам познание истинного. Мышление объявляют свойством. Любой предмет своим свойством снимает ограниченность своей эмпирической единичности. Свойство есть то, что выводит за пределы единичности данного предмета, благодаря тому, что свойство есть та определенность единичности, через которую единичность есть для другого, т. е. свойство – определенность самого единичного. Во вселенной бесчисленное множество единичных образований, еще больше множество их свойств. А мышление? Это – бесконечное множество свойств материального мира? Мышление диалектический материализм объявляет одним всеобщим свойством. Значит, мышление – особенное, определенность единичного? Нет. Что же за свойство это “всеобщее свойство”? Свойство, которое может быть только особенным, диалектическим материализмом выставляется всеобщим. Но всеобщих свойств нет. Мышление вовсе не есть ни единичность и ни особенность. Если нет момента всеобщности, то нет и мышления. Сознание как отношение к себе самому есть именно всеобщность. *Отношение к самому себе – сохранение тождества с самим собой – это и есть момент всеобщности в самом предмете.*

Мышление оказывается с необходимостью в отношении к себе самому. Удалите из любого индивида сознание – всеобщность – принадлежность к человеческому роду, что останется от этого индивида?

Почему же сознание все-таки познает в любой даже опытной науке? Да потому, что в мышлении есть момент всеобщности.

Какова определенность моментов особенности и всеобщности в природных образованиях и природе вообще и в сознании, в мышлении вообще? Так как окружающий нас мир сводится исключительно к многообразию единичных существований, то желание использовать знаки и обозначения всеобщего некоторыми теоретиками, придумываемые ими для обозначения единичного, в высшей степени неразумно и превратно. В любом единичном природном образовании есть момент особенности и момент всеобщности. Но главным и определяющим моментом в образованиях природы выступает момент единичности, т. е. особенность и всеобщность исключительно подчинены эмпирической единичности природы. В природе универсальные связи между моментами особенности и всеобщности единичных образований вплетены в саму эмпирическую единичность природы. Единичность в природе является определяющим моментом, в котором лишь как в зародыше содержится не выступившая еще особенность и тем более всеобщность.

Там, где нет момента всеобщности в самом предмете, в самом содержании и соотношения этого всеобщего с особенным и единичным, ни о каком понимании предмета не может быть и речи.

В сознании момент всеобщности является определяющим, и сознание относится к себе самому за счет этого. Сознание как предмет для себя (как самосознание) выступает в определении единства моментов особенности и всеобщности. Сознание только потому и относится к себе самому, только потому и выступает для себя предметом, что оно есть всеобщность и некоторая определенность этой всеобщности. *С определенностью единства моментов всеобщности и особенности сознания – его рефлексией – связано содержание сознания.* В практическом отношении к миру сознание овладевает особенным и единичным природы. Значит, сознание есть та сфера, которая оказывается более развитой сферой по сравнению со всеми формациями внешнего мира; потому что в сознании достигается невиданная для природы определенность. Мышление с его всеобщей определенностью является абсолютной властью, которой не

может оказать сопротивление какое-либо единичное, особенное внешнего мира. *Истинность или превратность единства всеобщности и особенности сознания, претендующая в отношении к миру на господство, приобретает важнейшее значение. В сфере сознания нужно преодолеть внешнее отношение момента всеобщности и особенности, тогда внешний мир выступит своей всеобщей определенностью и необходимостью.*

Определения всеобщности и необходимости – это существенные определения объективного. Единичное и случайное есть субъективное. Если у субъективности есть определение всеобщности, то она объективна.

Разум выступает в определении формы сознания в противопоставлении с внешне имеющимся объектом. Только при условии, что истинное содержание становится для меня предметным, т. е. как сущность объекта, мое сознание получает в конкретном смысле значение разума. В себе и для себя сущая истина, разум, представляет собой простое тождество субъективности понятия с его объективностью и всеобщностью. Разум – всеобщая форма мышления, рядом с которой ни одна предшествующая форма не может быть поставлена. *В разумной форме мышления содержится и всеобщность и определения самой этой всеобщности, т. е. понятие.* Поэтому всеобщность разума имеет в равной мере значение объекта, только данного в сознании как таковом, и объекта самого по себе всеобщего, проникающего собою “я” и его объемлющего, т. е. значение чистого “я”, чистой формы, возвышающейся над объектом и его в самой себе объемлющей.

Развитие опытных наук, познающих содержание природы и духа, до возможности снятия этого особенного и перевода его в положительное определение познания всеобщего, во всеобщие определения, необходимо для дальнейшего развития философии. Уже сейчас философия достигла такого познания о всеобщем, что невозможно даже еще предчувствовать на какой фазе со стороны опыта выступит подтверждение этого познания всеобщего, познания главных моментов процесса природы и духа. Опыт никак не может даже понять этого, чтобы воспользоваться уже познанным как направляющим принципом развития. Все попытки разумного осмысления этого положения жестоко пресекаются иудеями, находящимися у власти и заботящимися о стабильности своего господствующего положения. Поэтому, например, в России всеобщие человеческие ценности настойчиво заменяются иудеями на христианские заповеди, а ценности извращаются, путем воздействия на сознание людей средствами массовой информации.

Теперь поговорим о логике понятия. Понятие в своем тождестве с собою, т.е. в отношении с собою, есть в себе и для себя определенное: оно свободно и есть целостность, единство моментов, в которой каждый из моментов есть целое. В понятии содержатся как снятые все прежние определения. Понятие следует рассматривать как бесконечную творческую форму, которая заключает внутри себя полноту всякого содержания и служит источником развития содержания. Понятие не есть чувственно-конкретное, но оно конкретное, поскольку содержит внутри себя в единстве бытие и сущность, всё их богатство. Движение понятия представляет собой развитие, посредством которого полагается лишь то, что уже имеется в себе, так как его определенность положена как свободное бытие, и тождественна с другим бытием и с целым, подобно развитию органической жизни из зародыша; новое по содержанию в понятие не полагается, происходит лишь изменение формы.

Понятие целиком конкретно, потому что отрицательное единство с собою, как определенность в-себе и для-себя, которая есть единичность, само составляет своё отношение с собою, всеобщность. Поэтому моменты понятия не могут быть отделены друг от друга. Рефлексивные определения должны быть понимаемы и иметь значение каждое само по себе, отдельно от противоположных определений, но так как в понятии их тождество положено, то каждый из его моментов может быть понят лишь из других и вместе с другими.

Всеобщность, особенность и единичность, взятые абстрактно, суть то же самое, что и тождество, различие и основание. Всеобщее есть тождественное с собою, но с содержанием в нем и особенного, и единичного. Всеобщее понятия есть само себя обособляющее и остающееся у самого себя в своем другом. Особенное, далее, есть различенное или определенность, но оно таково в том смысле, что оно всеобщее внутри себя, обладает своим собственным существованием и есть как единичное. Единичное должно пониматься так, что оно есть субъект, основа, содержащая внутри себя род и вид, есть само субстанциональное. Так как единичность есть отрицательная рефлексия внутри себя понятия, то единичность есть, прежде всего, свободное различие понятия как первое отрицание. Этим полагается определенность понятия, но определенность как особенность. Момент единичности полагает определенные моменты понятия как различия, но полагает также и их определенное отношение друг к другу. Единичное есть действительное, т. е. непосредственно есть единство сущности и существования. Но так как единичное произошло из понятия то, следовательно, в качестве всеобщего оно положено как отрицательное тождество с собою.

Понятие – положенная нераздельность моментов в их различии. Различия моментов понятия – всеобщее, особенное и единичное внешней рефлексией насильно удерживаются раздельно друг от друга. Соответствующее им различие и определение понятия имеется в *суждении*, так как процесс суждения есть процесс определения понятия в его особенности, как различающее соотношение моментов понятия, которые положены как для себя сущие и тождественные с собою. Познание процесса определения суждения сообщает связь и смысл тому, что обыкновенно приводят как виды суждения. Различные суждения должны рассматриваться как необходимо вытекающие друг из друга и как некоторое последовательное определение понятия, ибо само суждение есть не что иное, как обособление понятия. Различные виды суждения определяются всеобщими формами логической идеи, соответствующей ступеням бытия, сущности и понятия, и как последовательный ряд ступеней в зависимости от логического значения предиката.

Суждение это *определение понятия* в его особенности, различающее *соотношение* моментов понятия, которые положены понятием как для себя сущие, тождественные с собою.

В каждом суждении высказывается положение “единичное есть всеобщее” или, еще определеннее, “субъект есть предикат”. Единичность и всеобщность, субъект и предикат различны, но каждое суждение высказывает, что они тождественны. В суждении мы видим истинную особенность понятия, ибо в суждении определенность, или различие понятия остается всеобщностью.

Суждение обычно берется в субъективном смысле, что присуще лишь мышлению самосознания. Но этого отличия – отличия самосознания от чувственно воспринимающего сознания – нет еще в логике, и суждение следует брать в том совершенно всеобщем смысле, что все вещи суть суждения, т. е. суть единичные, имеющие внутри себя некую всеобщность или внутреннюю природу; всеобщность и единичность отличны в них, но одновременно они тождественны.

Суждения следует отличать от предложений. В предложениях содержатся такие определения субъектов, которые не стоят в отношении всеобщности к ним – это может быть состояние, отдельный поступок и т. п.

Отдельное (одно) суждение служит выражением конечности вещей, хотя их наличное бытие и их всеобщая природа соединены друг с другом.

В абстрактном суждении: единичное есть всеобщее, субъект, как то, что отрицательно относится к себе, есть непосредственно конкретное, предикат же, напротив, есть абстрактное, неопределенное всеобщее. Но так как они связаны через «есть», то и предикат в своей всеобщности должен также содержать в себе определенность субъекта; таким образом, эта определенность есть особенность, и последняя есть положенное тождество субъекта и предиката;

здесь определенность есть содержание. Лишь в предикате субъект получает свою четкую определенность и содержание; сам по себе он, поэтому, – одно лишь представление или пустое имя. Когда говорят: субъект есть то, о чем нечто высказывается, а предикат есть то, что высказывается о нем, то это очень тривиально, и мы почти ничего не узнаем о различии между ними. Субъект есть по самому смыслу, прежде всего, единичное, а предикат есть всеобщее. В дальнейшем развитии суждения субъект не остается только непосредственно единичным, а предикат не остается только абстрактно всеобщим; субъект и предикат получают затем и другое значение: один получает значение особенного и единичного, другой – значение особенного и всеобщего. Таким образом, в двух сторонах суждения, при сохранении ими одних и тех же названий субъекта и предиката, имеет место перемена их значения.

Что же касается более строгого определения субъекта и предиката, то субъект, как отрицательное соотношение с самим собою, есть тот прочный субстрат, в котором предикат обладает и своим устойчивым существованием и присутствует идеально (он присущ субъекту); и так как субъект вообще и непосредственно конкретен, то определенное содержание предиката есть лишь одна из многих определенностей субъекта, и последний богаче и шире предиката. Предикат, наоборот, как всеобщее, обладает самостоятельным устойчивым существованием и равнодушен к тому, есть данный субъект или нет его; он выходит за пределы субъекта, подводит его под себя и, со своей стороны, шире субъекта. Только определенное содержание предиката составляет тождество субъекта и предиката.

Субъект, предикат, определенное содержание или тождество с начала положены в суждении в их соотношении как различные, внешние друг другу. Но в себе, т. е. согласно понятию, они тождественны, так как конкретная целостность субъекта состоит в том, что он есть не какое-нибудь неопределенное многообразие, а только единичность, есть особенное и всеобщее в некотором тождестве, и именно это единство есть предикат. В связке, далее, тождество субъекта и предиката хотя и положено, но положено сначала как абстрактное «есть». В согласии с этим тождеством должен быть положен в определении предиката также субъект, благодаря чему предикат получает определение субъекта, и связка наполняется. Это – дальнейшее определение суждения, которое через посредство наполненной связки переходит в умозаключение. Развитие суждения состоит в том, что всеобщность, которая вначале есть только абстрактная, чувственная всеобщность, специфицируется как общая определенность, как род и вид и, наконец, как развитая всеобщность понятия.

Все вещи представляют некий род, имеют определение и цель в некоторой единичной действительности, обладающей некоторым особенным строем, и их конечность состоит в том, что их особенное может быть соответственным или несоответственным всеобщему.

В умозаключении всеобщая форма вещи представляет определение особенного как середины, связующей крайности всеобщего и единичного. Такая форма умозаключения имеет вид: В – О – Е. Все вещи суть особенные, которые соединяются как нечто всеобщее с единичным. В разумном умозаключении субъект через опосредование смыкается с самим собой, иначе говоря, становится субъектом.

Все действительное (любой объект) есть понятие, и его наличное бытие есть различие моментов, так что его всеобщая природа сообщает себе внешнюю реальность посредством особенности, и, благодаря этому и как отрицательная рефлексия внутрь себя, она делает себя единичным. Или, наоборот, действительное есть некое единичное, которое посредством особенности поднимается до всеобщности и делает себя тождественным с собою. Эта форма умозаключения имеет вид: Е – О – В.

Действительное есть единое, но оно есть также расхождение моментов понятия. Умозаключение есть круговорот опосредования его моментов, посредством которого умозаключение себя полагает как единое.

Понятие, как нечто конкретное представляет по существу внутри себя единство различных определений. Критерием истинности понятия, взятого само по себе, является отсутствие в нем внутренних противоречий между такими определениями.

Понятие – истина субстанции, так как субстанция есть единство бытия и сущности. Субстанция полагает себя как абсолютная отрицательность внутреннего и внешнего, содержания и формы. Субстанция есть причина, так как она снимает рефлексию внутрь себя и, таким образом, порождает, как отрицательное само себя, некое действие, некую действительность. Лишь в действии причина действительна и есть причина. О существовании действия мы можем судить только по реакции другой субстанции, на которую направлено действие. Вторая субстанция, как непосредственность, также активна, если она реагирует на действие первой.

В таком же отношении взаимодействия, причины и действия рассматривается и процесс понятия – процесс взаимодействия объектов (субъекта и объекта). Через опосредующую деятельность единичности во взаимодействующих объектах происходит смыкание понятия, содержащего моменты единичного, особенного и всеобщего, конкретно всеобщего понятия с самим собой. В этом процессе взаимодействия небезразличных объектов отрицается внешность и непосредственность, в которые были погружены объекты, и понятие полагается как свободное и для себя существующее, т. е. оно теперь положено *для себя*.

Понятие выступает в свободное существование посредством отрицания непосредственной объективности и есть *для-себя-сущее* понятие. Так как это *отрицание* сначала *абстрактно* и объективность еще противостоит ему, понятие определяется как субъективное понятие. *Односторонняя* определенность понятия, как субъективного понятия, по сравнению с целостностью понятия приводит к выводу, что это понятие об объекте, в котором всякая определенность положена как снятая, неполно. Противоречие между целостностью понятия, которое есть тождество с собой, и положенными в субъективном понятии отрицанием непосредственной объективности и противоположностью с ней разрешается деятельностью самого понятия. Поэтому само понятие *необходимо, деятельно* и есть *причина* снятия противоположности. Эта *реализация понятия* есть объективирование понятия, снятие различия субъективности и объективности, смыкание понятия *лишь с самим собою и сохранение себя*.

О необходимости понятия Гегель пишет следующее. Понятие положено как содержащее *внутри самого себя* определенность, или действие. Понятие в своей деятельности сохраняет себя, т. е. оно имеет своим результатом лишь самое себя, и в конце оно есть то же самое, чем оно было в начале, в его первоначальности; лишь благодаря этому самосохранению оно есть истинно первоначальное. Понятие само в собственном единстве и в идеальности своих определений содержит суждение или отрицание, противоположность между субъективным содержанием и объективным, и в такой же мере содержит снятие этой противоположности.

В мышлении и сознании противоположность между субъективным и объективным содержанием является осознанным противоречием, которое имеет место внутри субъекта, и переходит в деятельность отрицания отрицания. Удовлетворение от решения противоречия восстанавливает мир между субъектом и объектом. Деятельность мышления осуществляет снятие противоположности между субъективным и объективным. При этом отрицается субъективное понятие, непосредственная субъективность, равно как отрицается и непосредственная объективность. Такое отрицание мы совершаем по отношению к случайным вещам и явлениям, а также по отношению к собственной субъективности.

Субъективное понятие, как таковое, конечно по своему содержанию и имеет некоторое внешнее условие в своем объекте, представляющем материал для понятия. Непосредственность субъективного понятия означает, что особенность, как его момент и как определение формы, выступает как рефлектированная внутрь себя, что содержание выступает как отличное от целостности формы понятия. Это различие составляет конечность субъективного понятия

внутри самого себя. Содержание субъективного понятия вследствие этого есть ограниченное случайное и данное содержание, равно как и объект понятия есть некое особенное.

Полезность содержания субъективного понятия признана, в том числе и в науках, недостаточной для достижения подлинного разума природы вещей.

В процессе познания диалектика конечных вещей, не должна ограничиваться лишь отрицательностью. Важнее вникнуть в положительное содержание вещей.

В субъективном понятии смыкание с внешней ему объективностью происходит как результат их единства. Это единство есть, с одной стороны, субъективная деятельность, с другой стороны – непосредственно подчиняемая понятию объективность, *средство*.

Субъективное понятие как для себя сущее понятие есть целостность моментов понятия. Первым из этих моментов является тождественная с собою всеобщность, которая все заключает в себе, но в которой еще ничего не различено. Вторым моментом является затем обособление этого всеобщего, благодаря чему это всеобщее получает определенное содержание. Так как это определенное содержание полагается деятельностью всеобщего, то последнее через посредство этого содержания возвращается к самому себе и смыкается с самим собою. Согласно с этим, мы, ставя себе цель познания понятия, говорим, что мы что-то решаем, думаем, представляя, таким образом, себя как бы свободными до того, как приняли решение, сформировали понятие, доступными нам для этого определениями. Но этим мы выражаем то, что *наше* субъективное понятие выступает из своей лишь для себя сущей внутренней жизни и вступает в отношения с противостоящей ему объективностью.

Форма субъективного понятия есть умозаключение, в котором всеобщий момент понятия через посредство особенности смыкается с единичностью таким образом, что единичность, как самоопределение, не только обособляет и превращает еще неопределенное всеобщее в некоторое определенное содержание, но также полагает противоположность субъекта и объекта. В то же самое время единичность есть в самой себе возвращение внутрь себя, ибо, сравнивая субъективность понятия, которая предполагается противостоящей объективности, с внутри себя сомкнутой целостностью определений понятия, единичность определяет субъективность, как нечто несовершенное, и обращается вместе с тем *вовне*.

Эта направленная вовне деятельность есть деятельность *единичности*, тождественная в субъективном понятии с особенностью. Она *вмещает* в себе, наряду с содержанием, также и *внешнюю объективность*. Она приходит, во-первых, в *непосредственную* связь с объектом и завладевает им как *средством*. Понятие есть эта непосредственная *власть*, потому что оно есть тождественная с собою отрицательность, в которой *бытие* объекта всецело определено как лишь нечто *идеальное*. – Весь средний термин умозаключения (единичность и особенность в некотором тождестве) есть внутреннее могущество понятия, как деятельности, с которой *объект*, как *средство*, непосредственно соединен и которой он подчинен.

В умозаключении о понятии средний термин разбит на два внешних друг другу момента – на деятельность и на служащий средством объект. Соотношение понятия, как власти, с этим объектом и подчинение ею себе этого объекта непосредственно, – первая посылка умозаключения, – поскольку в понятии, как представляющем для себя сущую идеальность, объект положен как *в себе* ничтожный. Это соотношение или первая посылка *сама становится средним термином*, который вместе с тем есть *внутри себя* умозаключение, так как понятие смыкается с объективностью посредством этого соотношения, посредством своей деятельности, в которой она продолжает содержаться и господствовать.

Понятие непосредственно овладевает объектом, потому что оно есть власть над объектом, потому что в понятии содержится особенность, а в особенности также и объективность. Деятельность понятия с ее объектом еще направлена вовне, ибо понятие еще не тождественно с объектом. Поэтому понятие, сначала, должно опосредствоваться объектом. Средство, как объект, находится в этой второй посылке в непосредственном соотношении с другим крайним

термином умозаключения, с объективностью, как предпосылаемой, с материалом. Это соотношение есть сфера служащих понятию механизма и химизма. Истиной отношения объектов является свободное понятие. То обстоятельство, что субъективное понятие, как власть, правящая процессами механизма и химизма, в которых объективное стирается и снимается, сама держится вне их и вместе с тем есть то, что в них сохраняется, – есть достоинство разума. Достоинство разума состоит вообще в его опосредствующей деятельности, в которой он осуществляет лишь свою собственную цель. Цель познания понятия есть, таким образом, познание положенного единства субъективного и объективного. Однако характерной чертой этого единства является то, что одностороннее в субъективном и объективном снято в их единстве. Объективное в нем подчинено и сделано соответственным понятию, как свободному понятию, и, следовательно, подчинено также и его власти. Понятие отстаивает себя и сохраняется в борьбе. Понятие противопоставляет себя объективному и сохраняет себя в объективном. Оно есть не только одностороннее субъективное, особенное, но также и конкретно всеобщее, в себе сущее тождество субъективного и объективного. Это всеобщее, как просто рефлексированное внутри себя содержание остается одним и тем же на протяжении всех трех терминов умозаключения и их движения. Но сформированное понятие надломлено внутри себя. Поэтому получилась форма, лишь внешне приложенная к преднайденному (непосредственно данному и используемому) материалу, – форма, которая, благодаря ограниченному содержанию понятия, также представляет собою случайное определение. Достигнутая форма понятия есть, поэтому, лишь некое понятие объекта, который, в свою очередь, представляет собою средство или материал для других целей и так далее до бесконечности. Но то, что происходит в процессе деятельности понятия в самом понятии, это именно то, что снимаются односторонняя субъективность и видимость наличия противостоящей ей объективной самостоятельности. Овладевая объектом, понятие полагает себя как в себе сущую сущность объекта: самостоятельность объекта исчезла уже в механическом и химическом процессах взаимодействия объектов, а в их протекании под господством понятия снимается видимость этой самостоятельности, снимается противопоставляющее себя понятию отрицательное. Но уже в том обстоятельстве, что сформированное понятие определено лишь как средство и материал, этот объект полагается как нечто в себе ничтожное, как нечто лишь идеальное. Тем самым исчезает также несоответствие между содержанием и формой. Так как понятие, благодаря снятию определений формы, смыкает себя с собою, то форма положена как тождественная с собою, положена, следовательно, в единстве с содержанием, так что понятие имеет содержанием лишь себя. Таким образом, через процесс деятельности понятия положено *в себе сущее* единство субъективного и объективного, положено теперь как *для себя сущее* единство, – положена *идея*.

Конечность понятия состоит в том, что при формировании понятия материал, употребленный как средство, лишь внешним образом подводится под понятие и делается соответственным ему. Но на самом деле объект есть в себе понятие, и когда понятие сформировано, оно является лишь проявлением его собственной внутренней сущности. Объективность есть, таким образом, как бы только покров, под которым скрывается понятие. Познание истинного понятия состоит, поэтому, лишь в снятии иллюзии, будто оно еще не достигнуто. Благо, как достижение субъектом в себе и для себя определенного и равного самому себе простого содержания, абсолютное благо, осуществляется вечно в мире, и результатом этого является то, что оно давно само по себе осуществлено и ему не приходится ждать нас, чтобы мы его осуществили. *В этой иллюзии осуществления блага мы живем, и вместе с тем только она является побуждением к деятельности, она одна заставляет нас интересоваться миром.* Идея в своем процессе сама создает себе эту иллюзию, противопоставляет себе нечто другое, и ее деятельность состоит в снятии этой иллюзии. Лишь из этого заблуждения рождается истина, и в этом заключается примирение с заблуждением и с конечностью. Инобытие или заблуждение, как

снятое, само есть необходимый момент истины, которая *существует лишь тогда, когда она делает себя своим собственным результатом.*

Из русских мыслителей, пожалуй, только один – Л.Н. Толстой осознавал существование и действие “энергии заблуждения”: в своей жизни, в жизни героев своих произведений – на пути к истине.

Необходимость последовательного развития и существования форм сознания

Сознание

Предварительные замечания

Со своей природной стороны человек конечен и смертен, но он бесконечен и свободен в познании и развитии сознания.

Окружающий мир, природа выступает в сознании, в определении сознания и как продукт сознания.

Пробуждение сознания и его развитие имеет причиной самого человека, и этот процесс повторяется в каждом человеке. Наше обыденное сознание представляет собой а) знание о вещах нас окружающих, об их взаимосвязях и отношениях, а также б) знание о нас самих, о нашем знании, о нашем взаимоотношении с другими людьми и предметами. Мы не ограничены в своем мышлении даже из-за приготовленных для нас и навязанных воспитанием, образованием и окружением представлений, которые нам очень трудно преступить, так как эти представления обладают, как нам кажется, значимым содержанием.

В философии знания рассматриваются не как односторонние определения субъекта, но скорее как определения, возникающие из отношения между субъектом и объектом, т. е. не только как субъективные, но и как объективные. Из отношения между субъектом и объектом следует: предмет по сути дела может быть определен соответственно сознанию, и определения предмета (объекта) можно рассматривать как зависящие от развития сознания (субъекта); с другой стороны, сознание (знание субъекта) определяется в соответствии с различием (определениями) предметов (объектов), которыми оно обладает. Познание означает не что иное, как знать предмет соответственно его *определенному* содержанию, заключающему в себе многообразную *связь* и служащему основанием связи со многими другими предметами.

Развитие сознания субъекта проходит определенный путь и состоит в следующем.

Я – субъект сознания и есть мышление. *Я* выделяю себя из природы, отличаю себя от других, т. е. имею знание о себе самом и знание о других.

Существенное для *я* определение составляет его бытие. *Я* и мое бытие связаны неразрывно между собой. В сознании мое мышление от всякого размышления возвращается к непосредственности, к бытию и на любой ступени развития на пути познания – к единству с самим собой. Поэтому *я* есть бытие или содержит бытие как момент в самом себе. Поскольку это бытие *я* полагаю как нечто другое по отношению ко мне и в то же время тождественное со мной, постольку *я* есть знание, и обладаю абсолютной достоверностью моего бытия. *Я* не может существовать, не имея знания о себе, не обладая достоверностью самого себя, и не будучи такой достоверностью. Сознание субъекта различает мышление как свою духовную деятельность и как природное существование, через которое сознание чувственно воспринимает окружающее. *Я* в себе уже содержит различие в самом себе, которое состоит в том, что *свое природное бытие я полагаю так же как и предмет, как нечто другое* по отношению ко мне. Бытие субъекта есть единство самого себя и этого другого, но в этом единстве есть и различие. Поэтому сознание *это различие* с необходимостью относит к существующему в себе и в предмете различию. В процессе познания сознание из своего другого непосредственно рефлектирует в себя. *Я* возвышается, таким образом, над тем, что действительно от него отлично, в этом своем другом оказывается при себе, при любом рассмотрении сохраняет достоверность самого себя. Только поскольку *я* оказываюсь способным постигать себя как *я*, другое становится для меня предметным, противопоставляется мне и в то же время идеально полагается мной.

Я лишь в той мере открывается самому себе, в какой его другое открывается для него. Сознание оказывается определенным соответственно различиям в предмете. Дальнейшее развитие сознания определяется изменением определений предмета. Логическое определение предмета (объекта) есть то, что тождественно в субъекте и объекте; их абсолютная связь, есть то, соответственно чему объект есть нечто принадлежащее субъекту.

Для я имеется противоречие, состоящее в том, что предмет, с одной стороны, находится во мне, а с другой стороны, имеет столь же самостоятельное существование вне меня. Сознанию предмет является как положенный посредством я, но как непосредственный, сущий, данный, ибо сознание не знает еще, что есть для себя предмет. Существоющее в сознании субъекта неравенство между знанием и предметом (объектом) составляет их различие, негативное вообще. Это различие необходимо приводит моменты неравенства (противоположности) в движение. Это неравенство в такой же мере есть неравенство объекта с самим собой. То, что кажется совершающимся вне объекта, деятельностью направленной против него, есть действие объекта на субъект, и объект по существу оказывается субъектом. Всякое содержание объекта есть его собственная рефлексия в себя. Когда в объекте уравнивается наличное бытие с сущностью, он есть для себя объект так, как он есть.

О развитии сознания человека еще следует сказать, что можно выделить, во-первых, – его природные задатки, темперамент, характер; способность, потенциал к развитию, определяемый его мышлением; действительное состояние его развития (для-себя-бытие), определяемое его сознанием. Способность человека к развитию проявляется в мышлении – духовной деятельности его сознания, с помощью которой человек познает окружающие предметы и явления, приобретает для себя абсолютное содержание. Приобретаемые знания, то, что есть в-себе-бытие предметов, должно быть осознано человеком и стать для человека. То, что для человека было предметом, становится принадлежащим ему и становится тем, что человек есть в себе. В-себе-бытие предмета становится в-себе-бытием человека. То, что человек приобретает и сохраняет в сознании, становится для-себя-бытием человека. Эта измененная форма для-себя-бытия есть нечто отличное от предшествующей формы потому, что человек знает, что он есть в себе и остается у себя. Лишь через отношение к предмету человек развивается. *Дух человека* – его сознание и мышление остаются свободными только потому, что они находятся у себя, и начало духа и конец совпадают. Он подобно семени растения в природе, после того как он сделал себя иным, снова возвращается в единство, к себе. Новое в сознании человека и сам человек есть бытие друг для друга, и именно вследствие этого они есть для-себя-бытие. Это нахождение духа у себя, этот возврат его к себе, можно признать его высшей абсолютной целью – достижение свободы; во всем другом, кроме мышления, дух не находит этой свободы. Именно это представляет интерес для человека – появляется подлинная собственность, подлинное собственное убеждение. Переход от одной определенности к другой, совершающийся *в себе и для себя*, – есть основание внутренней необходимости и логической последовательности развития сознания. Напротив, например, *в созерцании, в чувствах, в религиозной вере* человек находит себя определяемым чем-то другим. В *воле* у человека есть собственные определенные цели, определенный интерес, но они ограничены влечениями, склонностями, отношениями с чем-то другим.

Что касается свободы мышления в истории развития мышления, то нужно отметить, что греческая философия мыслила свободно, а схоластика несвободно, так как брала свое содержание данным, а именно данным церковью. Поэтому *претензии церкви* стать во главе духовного развития людей не только *не обоснованы, но и вредны*. Отличительной чертой свободного мышления является чистое, не навязываемое ни кем и ни чем нахождение мысли у себя.

Истинная объективность мышления состоит в том, что мысли суть не только наши мысли, а вместе с тем суть вещей и вообще всего того, что является для нас предметом, суть их в себе, их всеобщее и необходимое.

Развитие сознания представляет собой деятельность, различные моменты которой в-себе-бытие и для-себя-бытие. Деятельность сознания при этом едина. Единство различных моментов деятельности есть *конкретное*. Не только деятельность конкретна, но конкретно также в-себе-бытие, субъект деятельности и для-себя-бытие как продукт деятельности, которые есть содержание деятельности. Процесс развития сознания есть также и процесс развития

конкретного, и есть *идея*, которая состоит в том, что мы обладаем одним и некоторым другим, и они суть одно, представляющее собой третье, так как одно есть в другом, находясь у самого себя, а не вне себя. Таким образом, идея по своему содержанию – единству различных определений также конкретна. Вопреки рассудку, истинное, идея представляет не пустые общие определенности, абстракции, а есть некоторое всеобщее, которое само в себе есть особенное, определенное. Идея, как конкретная в себе и развивающаяся, есть целостность, содержащая в себе множество ступеней и моментов. Идея также как и истина всегда конкретна. Рассудочные определения могут составить “правильную”, но только в “голове” абстрактную теорию, которая не выдерживает практической проверки из-за их противоречий.

Ограниченность определенности содержания и формы сознания на каждой ступени его развития с необходимостью выводит сознание на новую ступень познания отношения мышления и бытия.

Мышление как понимание движимо понятием, моменты которого – единичное, особенное, всеобщее. Только сознание и мышление обладает этими определенностями понятия. В сознании имеется определенность всеобщности, через которую сознание относиться к себе самому, и определенность особенности, через которую сознание выступает для себя предметом. Только наличие момента особенности вместе с моментом всеобщности делает сознание впервые сознанием. Единство моментов всеобщего и особенного есть единичное. Момент всеобщности сознания таков, что он безразличен к любой определенности предмета. Суть этого момента состоит в том, что сознание не должно утрачивать себя в определенности предмета и бесконечном многообразии определенностей предметов. Момент всеобщности необходим в сознании для того, чтобы не только удерживать в сознании предмет, но и осознавать это, т. е. обуславливает самостоятельность сознания. Познаваемый предмет через свой момент особенности выступает для сознания лишь потому, что сознание вступает в отношение к себе самому. Особенный момент предмета выступает для сознания, поскольку сознание не исчерпывается моментом особенности, а с необходимостью имеет в себе момент всеобщности, который хоть и кажется абсолютно внешним для момента особенности, но имеет внутреннюю связь с ним и только через эту связь и есть познание, имеющее место в осознании предмета. Момент особенности предмета подчинен моменту всеобщности в сознании. Сознание может относиться к предмету и к внешнему миру, а не наоборот. Именно поэтому сознание способно познавать существующие предметы и внешний мир.

Особенность предмета не может господствовать над всеобщностью сознания. Сознание с его всеобщей определенностью является вследствие этого абсолютной мощью, которой не может оказать сопротивление какое-либо единичное, особенное внешнего мира.

Чтобы сознание начало хоть что-то понимать об особенности предмета, оно должно иметь в себе внутреннюю связь момента всеобщности с моментом особенности. Только при этом условии возможен анализ особенности предмета. Анализ предмета начинается с отрицания того, что анализируется, т. е. определенностей предмета. Определенности предмета переносятся сознанием из формы объективности в форму субъективности. Сознание есть отрицание и определенности предмета, и определенностей предмета вообще. Поэтому *мышление и сознание, никогда не рассматривалось властями и идеологами как нечто невинное, а преследовалось и истреблялось*. Отрицательность дает мышлению возможность подвергать отрицанию особенность предмета, разлагать его или анализировать. Сознание относится к себе самому, и оно уже есть отрицательность. Оно подвергает отрицанию свою собственную неопределенность, ограничивает неопределенную безграничность. Чтобы осознавать что-нибудь, нужно это подвергнуть отрицанию. Сознание есть первое отрицание внешней объективности вообще. При этом происходит только снятие внешней формы проявления вещи или явления, т. е. *объективное переводится в субъективное*. Этот перевод неудовлетворителен из-за отсутствия соответствия одного другому, например, внешнего содержания внутреннему, осознанного содер-

жания неосознанному, нового содержания имеющемуся, т. е. объективное не таково, каким оно выступает в сознании, не достигшем разумной ступени развития. *С этой неудовлетворительностью проявления объективного в сознании, перевода объективного в субъективное связаны конфликты подросткового возраста, все начальные этапы формирования отношений в семье, обществе, в политическом и государственном устройстве.* В процессе анализа, снятия определенности предмета, возведении этой определенности в субъективную форму устанавливается не только в этом предмете, но и во многих особенных предметах, что у них общего, а что различного. Но познание не ограничивается познанием общего, потому что оно оказывается достаточно внешним. В этом, например, состоит причина того, что общечеловеческие ценности выносятся за пределы исторической формации и определенной ступени истории общества. В этом “заслуга” рассудка, для которого чрезвычайно важен то момент особенности, то, наоборот, момент всеобщности, который производит впечатление непосредственности, абсолютной тождественности с собой, кажется единственной реальностью. Чтобы осознавать что-то особенное, нужно особенность предмета обязательно отнести через особенность в сознании к моменту всеобщности. Момент всеобщности *в представлении* (эта форма сознания присуща диалектическому материализму) всегда выступает внешним, потусторонним для определенности предмета, т. е. оказывается лишь недостижимой целью. Становится понятным определение истины в диалектическом материализме: истина есть то, к чему мы вечно приближаемся. Каким образом можно приближаться, пребывая вне того, к чему приближаешься? Это бессмысленно.

Мышление составляет основу развития субъекта. Свобода мышления обуславливает освобождение субъекта от его природной определенности и позволяет рассматривать природную определенность субъекта как самостоятельный объект. Об этом объекте, как внешнем для субъекта, субъект и получает знание и, таким образом, является сознанием. Цель мышления как явления сознания субъекта и его духовной деятельности состоит в том, чтобы поднять достоверность сознания до знания истины. Эта цель существенна для верящего в себя самого разума и достигается знанием разума, познаванием в понятиях. Мышление должно рассмотреть формы мышления сами по себе, должно подвергнуть себя самого исследованию, само должно определить свои границы и вскрыть свои недостатки.

Соответственно различию своего предмета сознание необходимо проходит ступени развития: представление (чувственное и воспринимающее сознание); рассудочное (чувственное и анализирующее, разделяющее) сознание; самосознание – сознание самого себя; разум – единство сознания и самосознания, сознание тождества мышления и бытия (субъекта и объекта). *Необходимость развития сознания* обусловлена наличием внутреннего противоречия в отношении мышления и бытия, которое преодолевается в диалектическом процессе развития понятия.

Сознание рассматривается субъектом как внешний для него объект. Сознанию вместо формы непосредственности, внешности и единичности придается форма всеобщего, внутреннего, принадлежащего собственно субъекту. Лишь при этом условии сознание развивается до самосознания. Самосознание, содержащее в себе момент сознания как отдельный предмет, противопоставляет себе некоторое другое самосознание, приобретает себе объект, который тождественен с ним и в то же время самостоятелен. Самосознание через всеобщее выходит из своей противоположности другому самосознанию, переходит к опосредствованному единству с ним и становится конкретным для-себя-бытием “я”, абсолютно свободным разумом, познающим в объективном мире себя самого.

Когда бытие абсолютно опосредованно, когда оно становится субстанциональным содержанием, достоянием я – бытие становится понятием, в котором противоположность бытия и знания преодолена. Эта противоположность преодолевается только в знании разума.

Разум лежит в основе сознания и самосознания и есть их первоначальное единство и истина.

Чувственное воспринимающее сознание

Простая непосредственность бытия предмета существенна для чувственного знания и составляет для сознания достоверность предмета. В чувственном восприятии сразу выделяются из непосредственного (чистого) бытия *я* и *это* (предмет). *Я* и предмет чувственно существуют не только непосредственно, но и опосредованно: *я* обладаю достоверностью через предмет; предмет достоверен через *меня*. Чувственное сознание – это непосредственное знание о существовании некоторого внешнего предмета. Предмет *я* вижу, но могу и просто его ощущать и т.п. Он *есть*, и, притом, *этот* предмет. Он существует во времени *теперь*, и в пространстве – *здесь*. Он отличен от всех остальных предметов. Мое определение “теперь” существуя, уже не существует больше, потому что его уже сменило другое “теперь”, которое, однако, тут же исчезает. Определение “здесь” также не определено, так как положение предмета связано с моим положением: стоит мне повернуться, и предмет уже не прямо передо мной, а справа или слева. Кроме этого, предмет, если *я* его вижу, может частично или полностью заслонить другой предмет. *Я* буду видеть лишь часть предмета или вообще не увижу его и т. д. до бесконечности. Следовательно, определения “здесь”, “теперь”, “этот”, “есть” являются всеобщими, и непосредственная достоверность предмета существенна только для *меня*. При простом выделении предмета *я* ничего не могу сказать о нем, кроме того, что он существует для *меня* как единичное и всеобщее. Предмет для сознания определяется мышлением в качестве единичного (в пространстве и времени) и всеобщего, но определенность этих моментов понятия еще не развита. Язык выражает только всеобщее, и совершенно невозможно, чтобы мы когда-либо могли высказать какое-либо чувственное бытие, которое мы подразумеваем. В бытии предмета присутствует *теперь* и *здесь*, т.е. время и относительное расположение предмета. *Я*, также как *теперь*, *здесь* или *это* – всеобщее, и выразить это словами невозможно.

Истинное для чувственной достоверности есть единичное и всеобщее – та простота выделения предмета, которая равнодушна к тому, есть ли *это* или *то*.

Для нас, *по нашему мнению*, истинно то, что мы имеем в чувственной достоверности: предмет есть, потому, что *я* о нем знаю, и есть то, *что* *я* о нем знаю. Предмет есть, безразлично к тому, знают ли его или нет; но знания нет, если нет предмета.

Но предмет и *я* суть те всеобщности, в которых не остаются или не имеются подразумеваемые мной *теперь*, *здесь* и *я*. Каждое сознание само вновь снимает такую истину, как, например, *здесь* – *это дерево* или *теперь* – *это полдень* и говорит противоположное: *здесь* – это *не* дерево, а дом. То, что в этом утверждении, снимающем первое, опять-таки есть такое же утверждение чувственного *этого*, сознание равным образом тотчас же снимает. Чувственная достоверность есть не что иное, как простая история ее движения или ее опыта. Непосредственный предмет познается мной непосредственно, случайно попадает в данный момент в мое сознание и потом снова из него исчезает. *Я* не знаю, откуда он приходит, почему он имеет такую природу, останется ли он таким же через некоторое время. Поэтому сознание постоянно движется в направлении к этому же результату и узнает на опыте о том, что составляет чувственную достоверность, но только так же вновь и вновь забывает об этом и начинает движение сызнова.

Обывательское превознесение чувств через восприятие ощущений широко распространено. Представлениям о “добром сердце”, порядочности, честности, поэтическом, героическом и так далее – всему этому нет конца! Это происходит лишь потому,

что даже не делается попытки поразмыслить над формой и содержанием ощущения, над содержанием и формой чувства.

Важно осознать и понять, что настаивать на единичном и особенном – это и есть разновидность эгоизма: индивидуального, общественного, общественно-исторического – не имеет значения.

Это есть обычная форма зла – противодействовать тому всеобщему, которому само особенное и единичное обязано существованием, воевать с тем, чему само существующее обязано. Только наличие всеобщего в единичном и заставляет единичное перестать быть единичным – это и есть противоречие единичного; только наличие всеобщего в особенном и заставляет особенное из одной формы перейти в другую особенную форму.

Всеобщее в природе, его развитие и выступление всеобщего в форме духа, в более развитой форме существования всеобщего –

таково, по Гегелю, разумное объяснение происхождения духа. Дух отрицает природу таким образом, что сохраняет все природное содержание, развивая его. Самым важным определением духа является *свобода – быть в другом у себя самого*. Свобода – не в том, чтобы отвернуться от природы, а в том, чтобы сохранить себя и развить всё природное содержание в отношении к природе и через это отношение. Значит, свобода, как и само бытие духа, есть форма существования самой необходимости, раскрывшей себя и потому ставшей свободной.

Чувственная достоверность не содержит в себе никакой истины; от нее следует перейти дальше к существенному бытию предмета. Поэтому вызывает удивление, когда этому опыту противопоставляется в качестве общего опыта, а также в качестве философского утверждения и даже как результат скептицизма положение: реальность или бытие внешних вещей как *этих* или чувственных обладает для сознания абсолютной истиной. Во всякой чувственной достоверности сознание будет на опыте узнавать только то, что мы видели, т.е. *это* как некоторое *всеобщее*, – противоположное тому, что, по уверению вышеназванного положения, есть общий опыт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.